

U $\frac{39}{449}$

ПОДВИГИ
РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Составилъ В. Шульцъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1853.

ПОДВИГИ

РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

U/39
449

ПОДВИГИ

801-83
14310-0

РУССКИХЪ МОРЯКОВЪ.

Эм. 12/29

Составилъ В. Шульцъ.

Издаво

Морскимъ Ученымъ Комитетомъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

въ морской типографіи.

1853.

ПОДВАЛ

Р2129643.

мет.зн.ин.

Вход

Библиотека имени Ленина

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Универсальная библиотека

1994

2007110169

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

Всеопреданнѣйше приноситъ

Лейтенантъ Василій ШУЛЬЦЪ.

Отдавая на судъ читателей составлен-
ное мною описаніе «Подвиговъ Русскихъ
Моряковъ,» смѣю надѣяться, что оно бу-
детъ принято благосклонно, и что мнѣ
простятъ слабыя стороны этой книги,
имѣющей цѣлью познакомить нашу пуб-
лику съ людьми, прославившими имя
русскаго моряка.

Кому не извѣстны подвиги нашихъ
войскъ, кто не читалъ жизнеописаній
государственныхъ людей Россіи и зна-
менитостей нашей литературы? А под-
виги моряковъ извѣстны только весьма
ограниченному кругу читателей. Объ
этихъ подвигахъ печатано очень мало,
болѣе въ періодическихъ изданіяхъ и все
это терялось изъ виду и забывалось. Кто
не знакомъ съ Россомъ и Франклиномъ?

А знает ли кто о судьбѣ, постигшей
двухъ нашихъ офицеровъ, послѣ непре-
рывныхъ трудовъ, въ продолжительныхъ
сѣверныхъ экспедиціяхъ? Очень не мно-
гіе.

Ознакомившись съ безсмертными име-
нами, украсившими списокъ русскихъ
моряковъ, я составилъ нѣсколько пред-
лагаемыхъ здѣсь біографій славныхъ
офицеровъ русскаго флота, и если первый
опытъ этотъ будетъ принятъ публикою
благосклонно, то пріятнымъ долгомъ по-
чту для себя познакомить читателей со
всѣми знаменитостями нашего флота,
такъ мало еще извѣстными.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ОСНОВАНІИ

РУССКАГО ФЛОТА.

Русскій флотъ еще не существовалъ, когда уже давно носились по морямъ корабли: англійскіе, голландскіе, французскіе и другіе. Но Великій Преобразователь Россіи повелѣлъ и—явился флотъ, явились моряки, и вскорѣ море огласилось громомъ русскихъ орудій, и побѣжденные на моряхъ противники Россіи уже страшились могущества и силы, воз-

рождавшагося богатыря—русскаго флота. Шведы очень скоро узнали, что Русскій Царь может сдѣлать въ своемъ Русскомъ Царствѣ. Прошло немного времени по основаніи флота, и онъ одержалъ уже нѣсколько побѣдъ. Черезъ полѣтка послѣ смерти Великаго Петра, явился и другой флотъ на водахъ Чернаго моря, хотя и прежде появлялись тамъ наши суда. Теперь русскій флагъ развѣвается на моряхъ: Бѣломъ, Балтійскомъ, Черномъ, Каспійскомъ, Охотскомъ и на Тихомъ океанѣ, и охраняетъ могучее Русское Царство.

Русскіе моряки совершили въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, около пятидесяти путешествій вокругъ свѣта; открыли многіе острова и нѣкоторые даже за полярными крутами; въ лѣтописяхъ военной исторіи флота, начертаны славные имена: Гангэуддъ, Чесьма, Гогландъ, Ревель, Выборгъ, Аѳонская гора, Анапа, Наваринъ и другіе, прославившіе русское морское оружіе.

Пишутъ будто Петръ въ отрочествѣ

своимъ, чувствовалъ какое-то непреодолимое отвращеніе и страхъ противъ воды; но такъ, или иначе, а мы видимъ отрока и юношу Петра создающимъ флотъ. Весною 1688 года, случайно нашли въ селѣ Измайловѣ ботикъ, привезенный въ Россію изъ Англіи при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Петръ приказалъ его вытщитъ и починить, а для того сыскать мастера. Нашли Голландца Карштена Брандта, который еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ участвовалъ, подъ надзоромъ голландскаго капитана Бутлера, въ постройкѣ корабля *Орелъ*, сожженного на Волгѣ, разбойникомъ Стенькою Разнымъ въ 1670 году. Брандтъ починилъ ботикъ, который былъ названъ въ послѣдствіи, именно въ 1723 году, самимъ Императоромъ, *Дѣдушкою русскаго флота*, и который хранится еще до сихъ поръ въ Петропавловской крѣпости.

Петръ катался на ботикѣ по Яузѣ, но въ рѣкѣ Ему было тѣсно, и Онъ рѣшился перенести свои морскія потѣхи

на Переяславское озеро; тамъ были выстроены Петромъ первыя русскія суда. Брандтъ, которому поручены были работы, построилъ подъ надзоромъ самого Царя, два малые фрегата и три яхты. 1-го мая 1690 года, суда были готовы и спущены на воду. Въ память этого событія на берегахъ озера, Петру Великому воздвигнуть въ 1852 году памятникъ.

Но «Дѣдушка русскаго флота» не былъ забытъ; въ 1725 году ботикъ обошелъ флотъ, стоявшій на Кронштатскомъ рейдѣ; въ 1836 году, іюля 3-го, онъ вторично объѣхалъ своихъ внучатъ на Кронштатскомъ же рейдѣ, во время Высочайшаго смотра, произведеннаго Его Императорскимъ Величествомъ Николаемъ Павловичемъ, всему Балтійскому флоту. Итакъ малешкій ботикъ послужилъ основаніемъ русскому флоту.

Желая создать флотъ, Петръ хотѣлъ прежде все узнать Самъ, чтобы послѣ лично руководить своихъ подданныхъ. Для того Онъ отправился въ Голландію,

гдѣ въ мѣстечкѣ Саандамѣ, не подалеку отъ Амстердама, Самъ работалъ и учился плотничному и корабельному мастерствамъ. Великій Государь подъ скромнымъ названіемъ корабельнаго плотника «Петра Михайлова,» съ топоромъ въ рукахъ, въ бострокѣ или буршлатѣ, ходилъ работать на корабельную верфь. До сихъ поръ еще сохраняется тотъ домикъ, гдѣ жилъ нашъ Великій Монархъ, во время своего пребыванія въ Саандамѣ. Вдовствующая Королева Нидерландская Анна Павловна, для сохраненія этого домика, столь драгоцѣннаго всякому Русскому, приказала построить около него каменное зданіе, защищающее его отъ вліянія погоды.

Въ путешествіе свое за границу, Петръ осматривалъ верфи и адмиралтейства въ Англіи и Голландіи, и съ богатыми свѣденіями возвратился въ Россію и сталъ учить своихъ подданныхъ тому, чему Самъ хорошо выучился у чужестранцевъ. Въ помощь себѣ онъ вызвалъ многихъ Англичанъ и Гол-

ландцевъ, которые поступили въ царскую службу.

Все пришло въ движеніе: въ Кропштатѣ, Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ начали строить гавани; въ С. Петербургѣ—адмиралтейство. Суда строились въ Архангельскѣ, Воронежѣ, Петербургѣ и Казани, и всюду глазъ Великаго, наблюдалъ за всемъ; ничего не дѣлалось безъ Него, Онъ все хотѣлъ Самъ знать и всемъ распоряжался лично. Часто говорилъ Онъ: «сіе дѣло необходимо нужно есть, по оной пословицѣ: что всякій потентатъ (т. е. владѣтель, Государь), который едино войско сухопутное имѣеть, одну руку имѣеть; который и флотъ имѣеть, обѣ руки имѣеть.»

Строились суда и формировались экипажи; наконецъ флотъ былъ готовъ и сталъ ходить въ море, предводительствуемый самимъ Царемъ. И что же? Этотъ новорожденный флотъ въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ себя прославить многими побѣдами надъ непріятелями, и въ числѣ моряковъ были такіе, которыхъ име-

на съ гордостію передаются отъ поко-
лѣній поколѣнію. Теперь Россія стоитъ
на ряду съ первостепенными морскими
державами.

БОМБАРДИРСКІЙ КАПИТАНЪ

ПЕТРЪ (*).

Приступая къ описанію цѣлаго ряда подвиговъ, совершенныхъ русскими моряками, начну съ того, гдѣ Вѣнценосный морякъ, Самъ предводительствуя горстію Русскихъ, покрылъ себя неувядаемою славою. И точно, взятіе двухъ шведскихъ военныхъ судовъ: *Астрель* и *Ге-*

(*) Изъ журнала Петра Великаго и изъ Списка судовъ всего Россійскаго флота соч. Адмирала Шишкова.

данъ, есть одинъ изъ славнѣйшихъ эпизодовъ исторіи нашего флота.

2-го мая 1705 года, Русскими войсками, подъ предводительствомъ фельдмаршала Шереметева, взята была крѣпость *Канецъ* или *Нишанецъ*. Вечеромъ того же дня, часовые, расположенные по берегамъ рѣки Невы, извѣстили главнокомандующаго о приходѣ на взморье непріятельской эскадры. Фельдмаршалъ, желая задержать шведскаго адмирала и оставить его въ невѣдѣніи о побѣдѣ нашей, приказалъ держать на крѣпости шведскій флагъ и палить изъ пушекъ шведскій лозунгъ: по два выстрѣла утромъ и вечеромъ. Хитрость удалась. шведскій вице-адмиралъ Нумберсъ, рассчитывая, что крѣпость Нишанецъ еще въ рукахъ его соотечественниковъ, доверчиво оставался за баромъ, и два судна, отдѣляясь отъ эскадры, вошли въ устье рѣки Невы.

Между тѣмъ фельдмаршалъ приказалъ изготовить гребную флотилію, и 6-го мая поручилъ тридцать лодокъ капитану

отъ бомбардировъ т. е. Самому Государю, и поручику Меншикову (князю Александру Даниловичу, понеже иныхъ на морѣ знающихъ никого не было), съ отрядомъ солдатъ гвардіи и другихъ полковъ, для нападенія на непріятельскія суда.

Вечеромъ 6-го мая, лодки, такъ какъ ночь была довольно свѣтла, скрылись за островомъ, противъ Каликиной деревни; 7-го числа, передъ самымъ разсвѣтомъ, пользуясь темнотою отъ нашедшихъ тучъ и при сильномъ дождѣ, лодки раздѣлились на два отряда; первый пошелъ вдоль Васильевского острова, чтобы напасть со стороны моря; другой отрядъ пошелъ прямо по рѣкѣ.

Шведскія суда, которыми русскія лодки намѣревались овладѣть, были: десяти-пушечная шнява *Астрель* (1), и восьми пушечный боть *Геданъ*; лодки смѣло двинулись впередъ и бросились на непріятельскія суда. Подвигъ почти безпримѣрный, подвигъ геройскій—напасть, съ ружьями и ручными гранатами, на

суда вооруженныя восемнадцатью пушками 5-хъ фунтоваго калибра. Но не взирая на это неравенство силъ и вооруженія, на сильную пушечную и ружейную пальбу, и на отчаянную защиту неприятеля, суда были взяты.

Петръ — впередъ всѣхъ, съ крикомъ ура! Силенъ Богъ Русскихъ! первымъ бросился на непріятельскую шняву *Астрель*, съ гранатою въ рукахъ. Сподвижники Царя дѣлали чудеса храбрости; изъ семидесяти семи Шведовъ, находившихся на судахъ, шестьдесятъ было положено на мѣстѣ, остальные взяты въ плѣнъ.

8-го мая оба судна приведены были къ лагерю фельдмаршала. По опросѣ плѣнныхъ, оказалось, что они были посланы съ письмами къ коменданту Нишанца, полковнику Опалеву.

За храбрость и неустрашимость, показанную въ этомъ дѣлѣ, фельдмаршалъ возложилъ на Государа орденъ Святаго Андрея Первозваннаго.

Поручикъ Мешниковъ и постельничій

Головкинъ получили тотъ же орденъ, возложенный на нихъ адмираломъ графомъ Головинымъ.

По случаю этого славнаго дѣла выбита была медаль, съ изображеніемъ самаго сраженія, а въ облакахъ рука держащая корону и пальмовую вѣтвь, съ надписью: *небываемое бываетъ*; 1705 годъ.

Вотъ что Самъ Государь писалъ объ этомъ дѣлѣ, графу Апраксину: (*)

«Извѣствую Вашей милости, что сего
«числа въ 5 часу пришла на устье Не-
«вы непріятельская эскадра, подъ пра-
«вленіемъ Вице-Адмирала Господина
«Нумберса, о чемъ увѣдавъ Нашъ Го-
«сподинъ Фельдмаршалъ послалъ насъ
«въ 50 лодкахъ; и мы пришедъ къ устью,
«гораздо осмотрѣли непріятеля, и по на-
«рочитомъ бою, взяли два фрегата: одинъ
«*Геданъ* о десяти, а другой *Астрель* о
«восьми пушкахъ, а оконъ 14; поспеже
«непріятелю пардонъ зѣло поздно зак-

(*) Голяковъ, Дѣянія Петра Великаго.

«ричали, того для солдатъ унять было
 «трудно, которые ворвався, едва не всѣхъ
 «покололи; только остались 13 живыхъ.
 «Смѣю и то писать, что истинно съ во-
 «семь лодокъ только въ самомъ дѣлѣ бы-
 «ло; и сею шикогда не бывалою Викто-
 «рією вашу милость поздравя, пребы-
 «ваю.» Подъ рескриптомъ приписано:
 «хотя и не достойны, однакожъ отъ Го-
 «сподъ Фельдмаршала и Адмирала Мы
 «съ господиномъ Поручикомъ учинены
 «кавалерами Святаго Андрея.»

САБЕНЬ (*).

Въ августъ 1787 года, Турки нарушили миръ съ Россією и открыли военныя дѣйствія внезапнымъ нападеніемъ на стоявшія противъ Очакова, по южную сторону Киіѣурской косы, русскія суда: фрегатъ (2) *Скорый* и лодботъ (3) *Битюгъ*. Въ то же время, въ Константинополь арестовали нашего посланника Булгакова. Оба эти обстоятельства

(*) Извлечено изъ статьи, написанной А. В. Бисковатовымъ; изъ Военно - Энциклопедическаго лексикона, и изъ дѣла.

произошли неожиданно, по потоворкѣ: какъ снѣгъ на голову. Войскъ было у насъ достаточно, но какъ не ожидали войны, то и должно было на первую кампанію ограничиться оборонительными мѣрами, а именно прикрытіемъ нашихъ южныхъ границъ и границъ Польши. Фельдмаршалу Румянцову, съ Украинскою арміею, вѣрно было вступить въ Подолію, а князь Потемкинъ, съ Екатеринославскою арміею, долженъ былъ оберегать Русскіе предѣлы со стороны Очакова, Чернаго моря и Кубани. Въ его же распоряженіи состоялъ и черноморскій флотъ, котораго одна часть находилась въ Севастополѣ, а другая въ Херсонѣ и на Глубокой пристани, лежащей на правомъ берегу Днѣпровскаго Лимана, т. е. широкаго разлива между Очаковскимъ и Кишбурискимъ берегами, принимающимъ въ себя рѣки Днѣпръ и Бугъ. Проходъ или проливъ, соединяющій этотъ лиманъ съ Чернымъ моремъ, съ одной стороны находится подъ пушками Кишбуриской крѣпости, а съ другою воз-

вышлась надъ нимъ грозная, въ то время, твердыня Очаковская. Всѣ эти подробности необходимы для поясненія происшествія съ Сакенымъ.

При общемъ распоряженіи къ принятію оборонительныхъ мѣръ, одна только Севастопольская эскадра (4) получила повелѣніе дѣйствовать наступательно. «Подтверждаю вамъ,» писалъ князь Потемкинъ къ начальствовавшему ею и отправлявшемуся въ крейсерство контръ-адмиралу графу Войновичу: «стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ. Хотя бы всѣмъ погибнуть, но должно показать всю неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ: гдѣ увидите флотъ турецкій, атакуйте его во что бы ни стало, хотябъ всѣмъ пропасть.» Получивъ этотъ приказъ, Войновичъ вышелъ въ море 31-го августа, передъ равноденствіемъ, опаснымъ на Черномъ морѣ, по свирѣляющимъ тамъ, въ это время, бурямъ.

Тогдашній выходъ нашего черноморскаго флота въ крейсерство (5) былъ первый, предпринятый съ цѣлію встрѣтиться и сразиться съ непріятелемъ, и онъ окончился потерей линейнаго корабля *Марія Магдалина* (6), сдавнагося безъ битвы, что, какъ правительствомъ, такъ и морскими нашими офицерами, было принято съ большимъ огорченіемъ. Неудачу эту надлежало загладить подвигомъ славнымъ и блистательнымъ, и судьба предназначила къ тому офицера черноморскаго же флота *Сакена*.

Рейнгольдъ-фонъ-Сакенъ, или какъ обыкновенно называли его сослуживцы, Христофоръ Ивановичъ Сакенъ, родомъ изъ эстляндскихъ дворянъ, началъ службу въ 1769 году, т. е. еще въ первое отправленіе нашего флота въ Архипелагъ; въ 1782 году произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а въ началѣ 1787 въ капитаны 2-го ранга. Онъ былъ офицеръ храбрый, свѣдущій и любимый всѣми сослуживцами; князь Потемкинъ отличалъ его, лично дѣлалъ ему разные

по службѣ порученія, и назначилъ его въ ту часть флота, которая находилась въ Дибровскомъ лиманѣ. Когда вѣсть о взятіи нашего корабля Турками пришла въ Херсонъ, объ этомъ произшествіи судили различно. Одни изъ флотскихъ офицеровъ говорили, что командиру не оставалось никакого иного средства, другіе возражали, что если онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе потопить корабль, то долженъ былъ исполнить это, не созывая офицеровъ на совѣтъ; иныя были того мнѣнія, что и въ самомъ Константинополѣ не надлежало сдаваться безъ боя. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ случился Сакенъ, и долго, въ молчаніи, слушалъ мнѣнія и споры своихъ товарищей. «Господа,» сказалъ онъ наконецъ, «разсуждайте объ этомъ несчастномъ обстоятельствѣ, какъ думаете и какъ бы каждый изъ васъ поступилъ въ подобномъ случаѣ; а что до меня касается, если судьба приведетъ ввѣренное мнѣ судно въ опасность достаться непріятелю, я скорѣе взлечу съ

нимъ вмѣстѣ на воздухъ, нежели переживу подобное безславіе. Въ этомъ увѣряю васъ честнымъ словомъ.»

Болѣе семи мѣсяцовъ прошло со времени этого разговора. Князь Потемкинъ, открывая кампанію 1788 года походомъ подъ Очаковъ, вооружилъ на Днѣпровскомъ лиманѣ флотъ, изъ парусныхъ и гребныхъ судовъ, (7) и раздѣливъ его на двѣ части, или эскадры: парусную и гребную, онъ поручилъ послѣднюю извѣстному Принцу Пассау Зигену, а первую контръ-адмиралу Джонсу, Американцу, рекомендованному въ русскую службу французскимъ посломъ, графомъ Сегюромъ. Сакенъ состоялъ подъ начальствомъ Принца, и командовалъ только что построенною дуббель-шлюпкою; этотъ родъ военныхъ судовъ, нынѣ не употребляемыхъ, появился въ нашемъ флотѣ еще при Петрѣ Великомъ; при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, именно въ 1757 году, когда Мишихъ готовился идти подъ Очаковъ, ихъ построили 200, каждую о шести двухъ-фунтовыхъ фалко-

нетахъ (8). Онѣ были съ веслами, о двухъ мачтахъ, и на носу, вмѣсто обыкновеннаго, къ верху приподнятаго бушприта, (9) имѣли почти параллельный къ поверхности воды, длинный выступъ или шпиронъ, какъ бывало у галеръ. Онѣ должныствовали вступать въ сраженіе вогнутою линіею, въ видѣ полумѣсяца, шпиронами впередъ, и потому главная артиллерія помѣщалась у нихъ въ носовой части. Онѣ были очень тяжелы на ходу, и въ продолженіи двухъ лѣтъ почти все погибли отъ бурь. Для кампаніи 1788 года, по повелѣнію Потемкина построили на Днѣпрѣ 14 дубель-шлюпокъ, по бóльшихъ размѣровъ, о сорока двухъ веслахъ и пятнадцати орудіяхъ: двухъ тридцати фунтовыхъ, одной двѣнадцати фунтовой и четырехъ одно-фунтовыхъ пушкахъ и восьми фалкопетахъ.

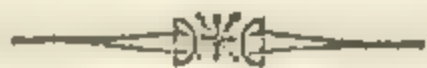
Во второй половинѣ мая 1788 года, гребная эскадра пришла на Глубокую приставъ, и начальствовавшій ею Принцъ Нассау-Зигенъ, имѣя надобность усло-

виться съ Суворовымъ на счетъ военныхъ дѣйствій, послалъ къ нему въ Кинбурнъ, на дуббель-шлюпкѣ, капитана Сакена. О турецкомъ флотѣ не было слуховъ, какъ онъ неожиданно показался въ виду Кинбурна, и малыя его суда, благопріятствуемыя попутнымъ вѣтромъ, начали входить въ лиманъ. По исполненіи порученія, Сакену надлежало немедленно возвратиться въ Глубокую. «Положеніе мое опасно,» сказалъ онъ подполковнику Козловскаго пѣхотнаго полка, Маркову, «по честь мою могу еще спасти: если Турки атакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ; съ тремя буду сражаться; отъ четырехъ не побѣгу, но если нападутъ больше, тогда прощай, Ѳедоръ Ивановичъ, мы болѣе не увидимся!» Сакенъ сдержалъ свое слово. Преслѣдуемый тринадцатью непріятельскими судами, онъ спустилъ, въ бывшую у него не большую шлюпку, флагъ судна, девять матросовъ, и приказалъ имъ извѣстить о своемъ положеніи Принца Нассау, и сказалъ, что ни

онъ, ни дуббель-шлюпка не будутъ въ рукахъ непріятельскихъ. Вскорѣ, когда онъ уже былъ противъ устья Буга, четыре турецкія галеры начали догонять его, и пастигнувъ, сѣпились съ дуббель-шлюпкою. Сакенъ не потерялъ присутствія духа: съ зажженнымъ фитилемъ сошелъ въ крюйтъ-камеру (10) и чрезъ нѣсколько мгновеній, вмѣстѣ съ судномъ своимъ и съ абординовавшимъ (11) его непріателемъ, взлетѣлъ на воздухъ. Отправившіеся къ Принцу Нассау-Зигену матросы были свидѣтелями взрыва, и первые привезли о томъ извѣстіе начальству. Сакенъ погибъ, имѣя около тридцати пяти лѣтъ отъ роду, и тѣло его, по прошествіи нѣсколькихъ дней, было найдено на берегу Буга, безъ черепа, съ оторванными руками. Георгіевскій крестъ, за 18 морскихъ кампаній, уцѣлѣлъ въ петлицѣ мундира. Императрица, получивъ отъ князя Потемкина донесеніе объ этомъ происшествіи, надѣлила родственниковъ Сакена щедрыми денежными пенсіями и другими на-

градами. Сказываютъ, что еще недавно, лѣтъ за двадцать передъ симъ, видно было дѣшше взорванной Сакеномъ дубель-шлюпки.

Сакенъ былъ несчастною, но славною и не бесполезною жертвою, принесенною для чести и пользы нашего флага. Самоотверженіе имъ оказанное, изумило непріятелей и послѣ этого событія они не имѣли духу свалиться съ нашими судами на абордажъ. Въ кампаніи 1790 и 1791 годовъ, когда мѣсто графа Войновича, въ командованіи Севастопольскою эскадрою, заступилъ контръ-адмиралъ Ушаковъ, наши корабли никогда не имѣли болѣе 800 человѣкъ экипажа. У Турокъ бывало по 1000 и даже по 1200 человѣкъ; но данный Сакеномъ урокъ всегда удерживалъ ихъ въ почтительномъ разстояніи отъ нашей линіи, и флотъ нашъ, всегда уступая турецкому въ числѣ кораблей и людей, всегда бралъ надъ нимъ верхъ превосходствомъ своей артиллеріи.

БЕЛЛИ (*).

Георхъ Георховичъ Белли, родился въ Англіи и въ 1783 году прибылъ въ Россію, въ числѣ тѣхъ морскихъ офицеровъ, которыхъ пригласила Императрица Екатерина II на службу въ черноморскій флотъ, возрождавшійся тогда подъ непосредственнымъ попеченіемъ князя Потемкина. Белли былъ принятъ мичманомъ, но по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (1-го января 1784 года),

(*) Изъ «Писемъ русскаго морскаго офицера», и изъ Военно-Энциклопедическаго лексикона.

произведенъ въ лейтенанты. Въ этомъ чинѣ, въ теченіи чстырехъ лѣтъ, находился онъ въ крейсерахъ у береговъ Крыма. Въ 1788 году, уже будучи командиромъ военнаго судна *Побѣдославъ-Задунайскій*, въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Войновича, онъ участвовалъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ у острова Фидониси; въ 1789 году 14-го апрѣля, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ 1790, назначенъ командиромъ речетичнаго фрегата (12) *Полоцкъ*, въ эскадру контръ-адмирала Ушакова, съ которою находился опять въ сраженіяхъ съ Турками, 28 и 29-го августа, въ открытомъ морѣ, между Гаджибеемъ (нынѣшнюю Одессою) и островомъ Тендрою, а въ 1791 г. 31-го августа, отличился при пораженіи оттоманскаго флота у мыса Калакрин, и награжденъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ. По окончаніи войны, въ 1792 г., онъ получилъ въ командованіе 32-хъ пушечный фрегатъ *Счастливый*, на которомъ имѣлъ не однократныя крейсер-

ства въ Черномъ морѣ, а въ августѣ 1798 г., поступилъ въ эскадру, посланную подъ начальствомъ вице-адмирала Ушакова въ Константинополь, въ помощь оттоманской портѣ, противъ Французовъ, предпринявшихъ экспедицію въ Египетъ. Эта кампанія не только доставила Белии случай къ новымъ отличіямъ, но даже можетъ назваться славнѣйшею эпохою его жизни. Въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ, онъ дѣятельно участвовалъ въ освобожденіи отъ Французовъ Ионическихъ острововъ: Занта, Кефалоніи и Черяго, и награжденъ за это орденомъ Св. Анны 2 класса. Потомъ, до 22 февраля 1799 г., находился при обложеніи и взятіи укрѣпленій острова Корфу, а въ апрѣлѣ поступилъ въ отрядъ, посланный адмираломъ Ушаковымъ для очищенія, отъ французскихъ войскъ, береговъ Неаполитанскаго Королевства. Здѣсь то Белии имѣлъ хотя краткій, но блистательный рядъ успѣховъ. Адмиралъ Ушаковъ, командовавшій соединеннымъ руссійскимъ и ту-

рецкимъ флотами, и занятый покореніемъ Корфы и другихъ Ионическихъ острововъ, отрядилъ для пособія кардиналу Руффо, капитана 2-го ранга Сорокина, съ четырью русскими и однимъ неаполитанскимъ фрегатами, и корветомъ съ четырью канонерскими турецкими лодками.

1-го мая союзная эскадра, подошедъ къ городу Молъ (что въ Пуліи), атаковала его на разстояніи картечнаго выстрѣла, столь удачно, что непріятель принужденъ былъ вскорѣ сдаться на волю побѣдителя. По возобновленіи въ городѣ прежняго правленія, эскадра отправилась къ Бари, гдѣ капитанъ Сорокинъ встрѣченъ былъ депутатами, которые увѣрили его въ совершенной ихъ преданности и послушаніи законному ихъ Государю.

8-го числа, высаженные у Манфредоніи съ эскадры войска, встрѣчены были съ восторгомъ депутатами сего города и многихъ другихъ; только весьма значительные, по многолюдству и богатству,

города Фоджіо и Бриндизи еще противились. Эти города были главнымъ сборнымъ мѣстомъ мятежниковъ.

11-го числа Бриндизи и вся область Пулія уже была освобождена отъ республиканцевъ, изъ коихъ многіе погибли, прочіе же разбѣжались.

Такимъ образомъ капитанъ Сорокинъ, обошедъ со стороны Адриатическаго моря неаполитанскіе берега, дѣйствіями своими, то съ кораблей, то десантами, всегда усердно подкрѣпляемыми вооружавшимся народомъ, — освободилъ многія провинціи отъ революціонныхъ неаполитанскихъ войскъ и повсюду успѣшно возстановилъ порядокъ и спокойствіе.

Капитанъ-лейтенантъ Белли, высаженный 8-го мая съ 511-ю морскихъ солдатъ и матросъ, съ 6-ю пушками, на другой день занялъ Фоджіо, безъ сопротивленія и принятъ былъ народомъ съ великою радостію. Собравшіяся, въ маломъ разстояніи отъ города, бунтовщики, всего до 5000 человекъ, угрожали жите-

лямъ разореніемъ. Капитанъ Белли, про-
 шедъ городъ, разбилъ, разсѣялъ и уни-
 чтожилъ этотъ отрядъ. Белли вступилъ
 въ Фоджіо въ день годовой ярмарки.
 Это обстоятельство послужило въ поль-
 зу приверженцевъ Короля. Извѣстіе о
 прибытіи Русскихъ съ немовѣрною ско-
 ростию распространилось всюду. Гром-
 кая слава побѣдъ Суворова увеличила
 въ глазахъ непріятеля силы малаго от-
 ряда и невольный страхъ овладѣлъ ре-
 спубликанцами. Шествіе войскъ нашихъ
 подобно было тріумфу. Извѣстіе о при-
 ближеніи Русскихъ привело въ робость
 и замѣшательство мятежниковъ; напро-
 тивъ того приверженцы и вѣрные Ко-
 ролю, встрѣчали ихъ, какъ избавителей,
 съ нелицемѣрною радостію. Потому то
 слабый этотъ отрядъ оказалъ очень боль-
 нія услуги Королю. Появленіе его въ
 сердцѣ королевства ободрило народъ.
 Гарнизоны въ крѣпостяхъ и разсѣянные
 по городамъ непріятельскіе отряды, ис-
 треблены были по частямъ, такъ что
 ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ отступить

въ Неаполь. Изъ Фоджіо, капитанъ Белли пошелъ быстрыми переходами прямо къ столицѣ, и не дошедъ 60 верстъ, соединился съ ополченіемъ кардинала Руффо, и составя его авангардъ, немедленно двинулся впередъ. По просьбѣ Мишеру, генерала королевскаго ополченія, капитанъ Сорокинъ прислалъ по почтѣ подкрѣпленіе, состоявшее изъ 95 человекъ. По прибытіи, котораго капитанъ Белли, имѣя 600 человекъ, явился у Портичи. Удивленные Французы, видя передъ собою Русскихъ и не смѣя сопротивляться, бѣжали. Они выставили на замкъ флагъ Короля Обѣихъ Сицилій, и оставили въ немъ гарнизонъ изъ королевскихъ солдатъ; Белли скорымъ шагомъ приблизился къ крѣпости Виллини, и не останавливаясь, взялъ ее приступомъ. Приседавшие въ робость непріатели и тутъ мало сопротивлялись; никто изъ гарнизона не успѣлъ уйти, и все взяты въ плѣнъ или убиты.

Непріятель собрался въ превосходныхъ силахъ у моста Магдалены, который былъ

укрѣплень и защищенъ двумя батареями. Чтобы затруднить подступъ къ мосту, къ которому должно было идти дорогою близъ моря, мятежники поставили подлѣ берега 50 канонерскихъ лодокъ. Матросы, ободренные первымъ успѣхомъ позабыли усталость и невидѣли уже никакой опасности. Капитанъ Белли, открывъ по флотиліи, изъ своихъ полевыхъ орудій, столь удачный огонь, что съ первыхъ выстрѣловъ двѣ лодки пущены на дно, а прочія отступили. Не теряя ни минуты, Белли, свернувъ отрядъ свой въ колопу, атаковалъ штыками, и, опрокинувъ все встрѣтившееся ему на пути, ворвался въ окопы, взялъ обѣ батареи одну за другой и взошелъ на мостъ вмѣстѣ съ непріятелемъ, который тщетно усиливался остановить столь смѣлый натискъ, и возвратить мостъ. Белли, обративъ пушки взятыхъ батарей и свои противу густыхъ колонъ непріятельскихъ, снова пошелъ на штыки, прорвалъ непріятельскій центръ, и тѣмъ принудилъ его въ безпорядкѣ бѣжать къ цитадели.

Клики, ура! какъ бы пробудили отъ глубокаго сна жителей Исаполя. Съ этого времени мятежники должны были сражаться, съ цѣлымъ населеніемъ Исаполя.

Такимъ образомъ, въ одинъ день покорены были два замка, укрѣпленный мостъ и превосходный въ силахъ непріятель разбитъ въ окнахъ; взяты 4 пушки большаго калибра; потеря въ людяхъ была очень значительна. При взятіи моста отличился лейтенантъ Спаксаревъ и морской артиллеріи унтеръ-лейтенантъ Туашъ.

На другой день, 5-го іюня, кардиналъ Руффо, находившійся до этого въ полѣ, съ войскомъ своимъ перешелъ на дорогу къ Капуи, онъ послалъ сильный отрядъ къ Гаэтѣ, и тѣмъ, въ одно время лишилъ столицу важнѣйшихъ сообщеній, и угрожалъ нападеніемъ на оставшіяся въ рукахъ мятежниковъ двѣ крѣпости. Войска же наши, причинивъ большой уронъ непріятелю, овладѣли замкомъ Дела-Кермеси, въ которомъ укрѣпился, и съ непреодолимымъ мужест-

вомъ отразивъ естъ нападенія Французовъ, принудили ихъ, оставивъ Неаполь въ нашей власти, заключиться въ крѣпостяхъ.

Въ этотъ и въ послѣдующіе дни, Неаполитанцы, соединившись съ прибывшимъ ополченіемъ, нападали на бунтовщиковъ. Въ эти минуты ужаса ни лѣта, ни полъ, ни достоинство, ни богатство, ни несчастіе, ни что не было уважено; наступилъ часъ мщенія, городъ наполнился трупами предателей отечества. Руффо немогъ остановить этихъ жестокостей, только Русскіе спасли нѣсколько семействъ. Республиканцы, приведенные въ отчаяніе, рѣшились защищаться до крайности.

5 и 6 іюня, занимались строеніемъ батарей противъ замковъ Ново и Дель-ово, окончивъ работы, капитанъ Белли открылъ жестокую канонаду. Непріятель, устрешенный мѣткимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, принужденъ былъ просить пощады. 9-го числа, по заключеннымъ капитуляціямъ, французскій гарнизонъ,

этихъ двухъ замковъ, долженъ былъ быть отправленъ въ Тулонъ.

По покореніи приморскихъ замковъ, Белли атаковала главную крѣпость Сантъ-Ельмо; но узнавъ, что мятежники хотѣли напасть на него съ тылу, предупредилъ ихъ въ этомъ намѣреніи. Войска кардинала Руффо должны были обойти и напасть на непріятеля. Поручикъ Александръ со ста человѣками морскихъ гренадеръ, и мичманъ Викоретъ съ 50 матросами и двумя пушками, не дождавшись войскъ кардинала, произведя ружейный и пушечный огонь, скорымъ шагомъ подошедъ къ самому фронту непріятельскому, состоявшему болѣе нежели изъ 1000 человѣкъ, съ крикомъ ура! ударили въ штыки. Это нападеніе произведено было съ такимъ мужествомъ, что въ самое короткое время положено на мѣстѣ 500 человѣкъ, въ плѣнъ взято 60, одно знамя, пять полевыхъ пушекъ и 25 обозныхъ лошадей. Остатки непріятельскаго корпуса разсѣялись и были истреблены сельскими жителями. Въ этомъ

нападении, къ сожалѣнію былъ убитъ храбрый сержантъ Луневъ, отнявшій знамя у непріятеля.

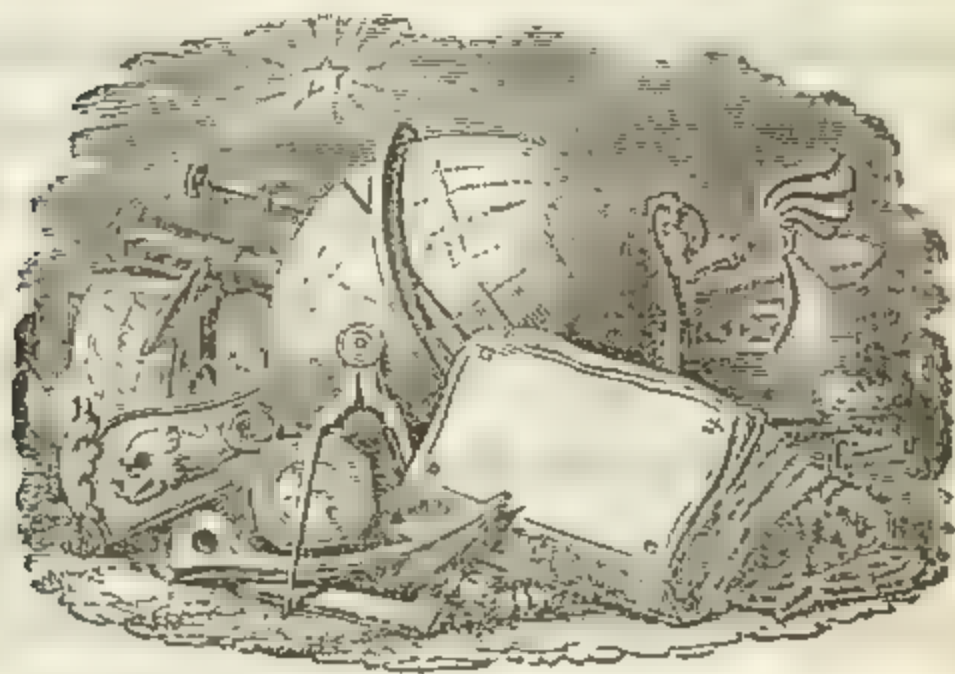
Здѣсь къ чести малочисленнаго отряда, предводимаго капитаномъ Белли, нельзя не упомянуть, что въ тѣ ужасныя для Неаполя дни, когда войска, приведенныя кардиналомъ Руффо, увлекались жаждою грабежа и крови, не щадили ни пола, ни возраста, истощая надъ своими соотечественниками всевозможныя злодѣйства, Русскіе были истинными хранителями и спасителями многихъ тысячъ людей, успѣвшихъ прибѣгнуть къ ихъ защитѣ. Ихъ храбрость и строгая дисциплина пріобрѣли имъ такое уваженіе, что, по увѣреніямъ очевидцевъ, одни русскіи часовые удерживали кровожадныя толпы, страшныя для гражданъ. Заслуги Белли не остались безъ вниманія: еще до соединенія съ войскомъ Руффо, онъ удостоился получить отъ Императора Павла, командорскій знакъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго; прочитавъ же допесеніе адмирала Ушако-

ва о взятіи Неаполя, Монархъ сказалъ: «Белли думалъ удивить меня и Европу, а Я удивлю его,» и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени, хотя Белли былъ только въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Между тѣмъ, при содѣйствіи Русскихъ, сдались, 30-го іюня замокъ Эльмо, а 17-го іюня крѣпость Катра, примѣру которой послѣдовала и Гаэта. Революціонеры, какъ уцѣлѣвшіе въ самомъ Неаполѣ, такъ и скрывшіеся въ его замкахъ, должныствовали, по заключеннымъ съ ними договорамъ, получить свободный проѣздъ во Францію, но они взяты были подъ стражу и преданы суду, а потомъ казнены. Самый голосъ Короля, желавшаго щадить своихъ подданныхъ, не имѣлъ силы, заглушаемый волею Нельсона. Настали новые ужасы, въ продолженіе которыхъ, Русскіе снова пріобрѣли право на уваженіе цѣлой націи. По желанію Короля, они содержали караулы при замкѣ Цово, въ которомъ заключены были несчастныя жертвы политическаго заблуж-

децій, и всѣми мѣрами старались спасти невинныхъ. Когда не было способовъ дѣлать это скрытно, Белли обращался къ членамъ суда, и испрашивалъ у нихъ помилованія заключеннымъ.

Между тѣмъ онъ былъ произведенъ, по вакансiи, въ капитаны 2-го ранга, а отъ Короля Обѣихъ Сицилій получилъ орденъ Св. Фердинанда, съ ежегодною пенсією въ 1600 Неаполитанскихъ дукатовъ. Слишкомъ два года Белли, съ фрегатомъ своимъ, оставался при Неаполѣ, и уже къ 1803 году возвратился въ Николаевъ, пробывъ болѣе года въ Константинополѣ. Въ 1804 году близость разрыва съ Францією вызвала Белли снова въ Средиземное море, къ острову Корфу, состоявшему тогда подъ покровительствомъ Россiи и Турціи. Въ это время, онъ былъ уже въ чинѣ капитана 1-го ранга и командовалъ кораблемъ *Азія*. Въ 1806 году, поступивъ въ эскадру вице-адмирала Сенявина, участвовалъ въ освобожденiи отъ Французовъ провинціи Бокка-ди-Катаро. Весь 1807 годъ про-

велъ онъ въ Адріатическомъ морѣ, и получилъ чинъ капитанъ-командора. Въ 1808 году, по случаю разрыва съ Англією, Белли, какъ подданный этой державы, былъ отозванъ внутрь Россіи. Въ 1812 году, онъ опять поступилъ въ черноморскій флотъ, гдѣ оставался до самой своей кончины; постигшей его 21-го іюля 1826 года, въ чинѣ контръ-адмирала и въ званіи командира 3-й бригады черноморскаго флота.

НЕВЕЛЬСКОЙ (*).

По заключенію мира, между Россією и Францією, при Тильзитѣ въ 1807 году, Англія объявила намъ войну и помогала Шведамъ въ дѣйствіяхъ противу насъ.

Лейтенантъ Гаврило Ивановичъ Невельской, во время этой войны командовалъ катеромъ *Опытъ*, который былъ вооруженъ четырнадцатью двѣнадцатью фунтовыми каропадами, (15) и на немъ находилось пятьдесятъ три человека

(*) Извлечено изъ описанія Финляндской войны Г. А. Михайловскаго - Данилевскаго; изъ Военно-Энциклопедическаго лексикона и изъ дѣла.

офицеровъ и матросъ. 4-го іюня 1809 года, для наблюденія за движеніями непріятельскихъ судовъ, т. е. англійскихъ и шведскихъ, посланы были изъ Свеаборга, корветъ *Шарлотта* и катеръ *Опытъ*, съ предписаніемъ крейсировать между Свеаборгомъ и Гангзудомъ. *Опытъ* заходилъ въ Ревель и возвращался оттуда 12-го іюня; тогда, миновавъ островъ Наргунъ, при пасмурной и дождливой погодѣ, онъ увидѣлъ впереди себя къ западу, большое трехъ мачтовое судно, которое шло къ нему на встрѣчу. Никакъ неожидая такъ скоро увидать непріятеля, онъ принялъ его за корветъ *Шарлотту*, съ которымъ былъ разлученъ бурей. И потому ничего не опасаясь, Певельской продолжалъ плыть къ Свеаборгу, но не получивъ отвѣта на опознательный сигналъ (*), онъ увидѣлъ свою ошибку и рѣшился возвратиться.

(*) Въ разсказѣ о подвигѣ Сухотина объяснено, что такое сигналъ.

Судно, которое онъ разсмотрѣлъ, было англійскій сорока четырехъ пушечный фрегатъ *Сальсетъ* (Salcette), имѣющій отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ экипажа, подъ командою капитана Батурста; фрегатъ тотчасъ бросился въ догонку за катеромъ, и открылъ по немъ огонь изъ погонныхъ орудій (14).

Обратное движеніе было тѣмъ пужнѣе, что стихавшій вѣтеръ угрожалъ перемѣною и могъ поставить катеръ въ затруднительное положеніе. Въ это время совершенно стихло и оба противника остановились; Певельской, надѣясь греблею избѣжать сильнаго непріятеля, самъ взялся за весло, офицеры и всѣ матросы послѣдовали его примѣру, оглашая воздухъ восклицаніемъ: Ура! Близкая опасность придала имъ необыкновенныя силы, и катеръ *Опытъ* пошелъ по четыре мили въ часъ. Въ лѣво отъ катера, на разстояніи мили, находилась отмель, возлѣ острова Наргина; Певельской направился къ ней, съ намѣреніемъ разбить катеръ о подводныя камни.

Въ то время фрегатъ, пользуясь легкимъ душovenіемъ вѣтерка, сталъ приближаться къ катеру; въ это мгновеніе изъ облака, висѣвшаго надъ злополучнымъ *Опытномъ*, исторгнулся сильный порывъ вѣтра отъ юго-востока, или какъ моряки выражаются шкваль, который положилъ бѣдное судно на бокъ, изорвавъ у него всѣ паруса и переломавъ весла и вооруженіе; этотъ же шкваль столь гибельный для Русскихъ, доставилъ фрегату возможность подойти къ нимъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла. Конечно! надежды нѣтъ, бѣдный катеръ не можетъ избѣжать когтей злаго коршуна, фрегата, онъ долженъ, или сдаться или употребить послѣднія слабыя усилія, и съ небольшими средствами бороться съ сильнымъ непріателемъ.

Сдаваться!... и не приходило на умъ благороднаго Певельскаго, а драться до послѣдней крайности, пока у катера еще есть пушки и руки. Нѣтъ!... онъ не уступить. Онъ приказалъ людямъ своимъ оставить весла и приготовиться къ

смертельному бою. Невельской въ краткой, по сильной рѣчи, объяснилъ матросамъ положеніе ихъ и его намѣреніе; онъ говорилъ русскимъ матросамъ, молодцамъ, которые съ восторгомъ приняли слова своего командира и огласили воздухъ крикомъ: «Ради стараться, Ваше Благородіе!» — Потомъ онъ выбросилъ въ воду всѣ сигнальныя книги и секретныя бумаги, привязавъ ихъ къ балластинѣ.

Фрегатъ, между тѣмъ, подошелъ еще ближе, поднималъ англійскій флагъ и вдругъ съ него закричали по русски: флагъ долой! но онъ не зналъ съ кѣмъ имѣть дѣло; онъ не зналъ, что русскій командиръ и команда его судна рѣшились умереть героями. На катерѣ царствовала глубокая тишина. Невельской и подчиненные его, въ это время, осыпавъ себя знаменіемъ креста, внутренно молились. На фрегатѣ удивились равнодушію безсильнаго противника, и потому, открыли огонь изъ двухъ тридцати фунтовыхъ орудій, съ великодушнымъ намѣре-

ніемъ пощадить жизнь людей, такъ хладнокровно обрекавшихъ себя на смерть. Тогда Невельской перекрестясь и показывая шляпою на фрегатъ, воскликнулъ: «Ребята! на начинающаго Богъ.» Изалпъ (15) изъ семи каронадъ влѣпился въ стѣну фрегата. Англичане видя, что они силой должны привести къ молчанію своего непріятеля, также дали по немъ залпъ, и въ одно мгновеніе катеръ представлялъ совершенную развалину, вездѣ висѣли обломки и лоскутья, грустно было бы взглянуть тогда на бѣдный катеръ. Но не взирая на это, храбрый Невельской и его сподвижники продолжали отстрѣливаться, производя на фрегатѣ довольно значительный уронъ въ людяхъ.

Тогда англійскій капитанъ приказалъ выпалить изъ пяти пушекъ находящихся въ батареѣ, что было немедленно исполнено. *Опытъ* стремительно покачулся на-бокъ, а когда оправился, то оказалось, что бортъ (16) его весь избитъ — открылась большая течь и во-

да значительно прибывать; пять орудій было подбито; на палубѣ (на полу) лежало два человѣка убитыхъ и десять раненыхъ, изъ которыхъ два вскорѣ умерли; раненъ былъ и самъ командиръ катера, которому деревянный осколокъ раздробилъ челюсть. Невельской истекая кровью, успѣлъ только сказать: «Прощайте ребята, спасибо вамъ!» и упалъ безъ чувствъ. Тогда англійскій фрегатъ, который находился въ весьма близкомъ разстояніи, прекратилъ огонь и снова потребовалъ сдачи: «Сдаемся!» отвѣчалъ офицеръ, заступившій мѣсто Невельскаго, что ему оставалось дѣлать? «Флагъ долой!» повелительно закричали съ фрегата. «Спустить нельзя», отвѣчалъ командующій. «Такъ подымите англійскій флагъ!» «Нѣтъ его!» Вооруженная шлюпка отошла отъ фрегата. Первымъ лицомъ, которое явилось на катерѣ, былъ докторъ съ помощникомъ; онъ тотчасъ принялся осматривать раненыхъ, а бывшій съ нимъ офицеръ сталъ отбирать оружіе.

Приведенный въ чувство Невельской, подалъ шпагу подошедшему къ нему непріятельскому лейтенанту, но тотъ отступя отъ него, съ почтениемъ сказалъ, что не имѣеть права принять ее, и что честь сія принадлежитъ его капитану.

На первой шлюпкѣ отправлены раненые, на второй команда (17) катера. Капитанъ англійскаго фрегата Батурстъ, почтительно встрѣтилъ своего плѣнника на верху, и не принялъ шпаги его. Когда въ послѣдствіи, отъ качки и недостатка легкой пищи, рана Невельскаго разболѣлась, Батурстъ обязалъ одно купеческое судно доставить его въ Либаву, снабдивъ лекарскимъ помощникомъ и лекарствами, не смотря на то, что между ними произошла размолвка.

Англійскій капитанъ тяготился нашими плѣнниками, какъ на счетъ продовольствія, такъ и помѣщенія ихъ, почему и требовалъ отъ начальника катера, подписки за него и за команду: не служить въ продолженіи войны противъ Англичанъ и Шведовъ. Невельской,

отвергнулъ предложеніе за своихъ подчиненныхъ, но за себя далъ подписку, не надѣясь на выздоровленіе, въ которомъ отчаявались даже и врачи, потому что рана его была опасна: дубовымъ осколкомъ раздробило ему челюсть, такъ, что послѣ того, всю ее, по частямъ вынимали.

Продержавъ команду около двухъ недель на фрегатѣ, Батурствъ, сдѣлалъ въ Либавѣ размытъ плѣнныхъ, а катеръ повелъ съ собою, и сдалъ его шведскому фрегату, оставивъ у себя флагъ, гюйсъ и вымпелъ (18). *Опытъ* былъ исправленъ, и продолжалъ службу у Шведовъ подъ прежнимъ названіемъ. На фрегатѣ, кромѣ многихъ поврежденій, убитыхъ было двое, раненыхъ десять.

Певельскаго уволили въ отпускъ до излѣченія болѣзни, съ сохраненіемъ жалованья. По излѣченіи, Высочайше повелѣно было: назначить его на всегда командиромъ судна, т. е. никогда не служить ему ни у кого подъ командой. Сверхъ того, Императоръ Александръ

приказалъ выдать ему изъ кабинета 5000 рублей; офицерамъ, вычманамъ Ишкитишу и Стапюковичу, годовое жалованье, не въ зачетъ, а гардемаринамъ, бывшимъ на *Опытъ*, по 100 рублей; всѣхъ ихъ избавить отъ слѣдствія и военнаго суда; время плѣна не вычитать изъ службы; командѣ же убавить нѣсколько лѣтъ службы и опредѣлить ее въ загородные дворцы, на придворныя суда.

Быть можетъ, спросятъ почему такіе храбрецы должны были подпасть подъ военный судъ? Всякой потерявшій судно свое, какъ бы то ни было, отъ крушенія или въ сраженіи, подвергается слѣдствію и военному суду, вмѣстѣ съ своими подчиненными. Судъ строго и совѣстно разбираетъ все дѣло, и рѣшаетъ правъ ли капитанъ, былъ или нѣтъ. Достоинъ ли онъ похвалы или наказанія. А если бы этого не было, то честь флага и интересъ казны могли бы пострадать, и капитанъ не исполнившій своего долга и обязанности, не подвергся бы никакому взысканію.

Одно только безстрашіе Невельскаго и его сподвижниковъ, могло избавить ихъ отъ слѣдствія, и еще то обстоятельство, что по причинѣ нашедшаго шквала они не могли уйти отъ столь превосходнаго непріятеля.

Если бы Невельскому удалось убѣжать отъ фрегата, онъ все таки оказалъ бы большую услугу отечеству, сохранивъ судно и русскій флагъ.

Но Богу было угодно иначе, и Невельской, съ честію вышелъ изъ самаго затруднительнаго положенія.

Гаврило Ивановичъ Невельской вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 1-го ранга и уже скончался.

ПОДВИГЪ

МИЧМАНА СУХОТИНА (*).

Въ лѣтописяхъ исторіи нашей, еполнѣ достоинствъ замѣчанія подвигъ одного молодаго, русскаго офицера, мичмана Сухотина, который въ нѣмѣхъ лѣтахъ погибъ, великодушно жертвуя своею жизнію для спасенія чести русскаго флага.

Приступая къ разсказу, надобно прежде объяснить, что такое на суднѣ называется сигнальной книгой. Когда пѣ-

(*) Изъ письма вице-адмирала Суцова, служившаго на другомъ гемахъ въ чинѣ лейтенанта.

сколько военныхъ судовъ плаваютъ вмѣстѣ, то всегда есть главный начальникъ надъ всѣми, котораго называютъ адмираломъ или флагманомъ. Если адмиралу нужно переговорить съ какимъ нибудь капитаномъ, или отдать какой нибудь приказъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что было бы чрезвычайно затруднительно и часто невозможно посылать шлюпку, во всякую погоду, съ адмиральскаго судна на всю эскадру. Для избѣжанія этихъ неудобствъ и для облегченія разговора одного судна съ другимъ, придумали способъ переговора посредствомъ особенныхъ знаковъ, называемыхъ: *сигналами*; а книгу, гдѣ записаны всѣ слова и рѣчи выражаемыя этими знаками: *сигнальной книгой*. Вѣроятно, читатели легко догадываются, что эти книги тайна, которую ни подъ какимъ видомъ не должно открыть непріятелю, и что всячески надобно стараться, при гибельномъ положеніи судна, спасти ихъ; или, если этого нельзя, то уничтожить ихъ совершенно. Иначе

можетъ случиться, что наши сигналы попадутъ къ непріятелю, и онъ легко узнаетъ всѣ предполагаемыя нами дѣйствія и движенія, и предупреждая ихъ, можетъ нанести большой вредъ и даже одержать побѣду.

Въ царствованіе Императора Александра I, Россія воевала съ Швеціею. Войска наши занимали, почти уже всю Финляндію и молодецки шли впередъ, поражая всюду Шведовъ. Въ то время на шведскомъ престолѣ былъ король Густавъ IV, который всячески старался остановить наши успѣхи, но всюду претерпѣвалъ неудачи. Увидя, что на сухомъ пути ему надежды мало, потому что трудно устоять противъ храбрости и самоотверженія русскаго солдата и противъ русскаго штыка, Густавъ IV рѣшился попытать счастья на морѣ. Но и тамъ, надобно сказать, онъ встрѣтилъ противниковъ, которые ему неуступали, и славно поддерживали честь русскаго флага. Въ іюль мѣсяцѣ 1808 года, король приказалъ выбрать тысячу луч-

нихъ солдатъ, и присоединивъ къ нимъ матросъ съ кораблей, напастъ и взять абордажемъ, въ одну изъ темныхъ ночей, наши два гемама (19), стоявшіе подъ берегомъ, въ Юнгферъ-Зундъ.

Шведы напали сначала на гемамъ, названный *Старикъ-Біорнъ*. Неожиданное нападеніе и превосходство силъ, доставили Шведамъ полный и скорый успѣхъ. Командиръ гемама, почти со всѣми офицерами, были первыми жертвами, и Шведы, завладѣвъ судномъ, отправились на немъ противъ другаго, который стоялъ не въ далекѣ отъ перваго. Но онъ былъ предупрежденъ: услышавъ ружейные выстрѣлы и увидѣвъ подходящія непріятельскія шлюпки, онъ приготовился отразить Шведовъ, и встрѣтилъ ихъ и плѣненный гемамъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Дѣйствіе изъ нашихъ орудій было такъ сильно и столь удачно, что Шведы не могли устоять; они начали бросаться съ гемама въ воду, чтобы доплыть до своихъ шлюпокъ, которыя бѣжали, оста-

вивъ убитыхъ болѣе пятидесяти человекъ. Въ этомъ-то дѣлѣ палъ, подъ многочисленными ударами непріятеля, какъ герой и истинный сынъ отечества, въ цѣлѣ лѣтъ, отличный офицеръ нашего флота, Василій Федоровичъ Сухотинъ.

Въ то время, когда Шведы, овладѣли гемамомъ и разсыпались по немъ, мичманъ Сухотинъ выбѣжалъ изъ своей каюты (20), бросился на палубу, чтобы собрать людей и защищаться, но въ ту же минуту получилъ жестокую рану саблею. Шведы окружили его, но онъ, сражаясь, старался пробиться въ нижнюю палубу, гдѣ находилась часть команды. Получивъ другую рану кинжаломъ (21) и видя невозможность соединиться съ командою, Сухотинъ бросился въ свою каюту и заперъ за собою дверь. Шведы, не успѣвъ вбѣжать туда, вмѣстѣ съ нимъ, требовали чтобы онъ отперъ каюту, и за упорство грозили ему смертію. Но изъ каюты не было отвѣта. Шведы начали стрѣлять въ дверь изъ пистолетовъ, повторяли угрозы, но въ отвѣтъ

слышали одни стоны страдальца. Шведы наконецъ вышли изъ терпѣнія, разломали каюту, и увидѣвъ Сухотина покрытаго кровью и уже едва дышащаго, они оставили его и бросились искать добычи. Казенное и частное имущество было расхищено, по праву побѣды; но сокровище Сухотина, которымъ онъ дорожилъ болѣе жизни, хранилось у сердца его. Пять роковыхъ пуль, одна послѣ другой, поражали Сухотина, запертаго въ каютѣ, но не могли отвлечь его отъ исполненія великодушнаго подвига. Собравъ всѣ свои силы, онъ пользовался послѣдними минутами, чтобы изорвать находившіяся у него сигнальныя книги. Сухотинъ страшился, чтобы Шведы, узнавъ наши сигналы, не повредили флоту, и запершись въ каютѣ, рвалъ бумаги зубами, рубилъ кортикомъ и раздиралъ. Но ослабѣвая отъ ранъ, не будучи въ состояніи болѣе дѣйствовать, онъ собралъ послѣднія свои силы, приложилъ бумагу къ остывающему сердцу и—скончался.

Миръ праху твоему, великодушный
юноша! Да сохранится до поздняго по-
томства, память доблестнаго твоего под-
вига, и да будетъ онъ примѣромъ въ
службѣ и утѣшеніемъ всякому Русскому.

И кто не прольетъ слезы умиленія
надъ раннею могилою этого юнаго ге-
роя; пусть примѣръ его возбудитъ въ
сердце каждаго такую же любовь, пре-
данность и самоотверженіе къ любезно-
му нашему отечеству, и если кому ни-
будь случится быть въ подобныхъ об-
стоятельствахъ, онъ вспомнитъ Сухоти-
на и подобно ему будетъ готовъ поло-
жить животъ свой, для спасенія чести
русскаго флага.

ГОЛОВНИНЪ (*).

Василій Михайловичъ Головининъ родился Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи своемъ, въ селѣ Гулынкахъ, 8-го апрѣля 1776 года. На шестомъ году отъ роду былъ ошъ, по тогдашнему обычаю, записанъ въ гвардію, сержантомъ въ Преображенскій полкъ. Девяти лѣтъ лишился своихъ родителей. Родственники опредѣлили его въ 1788 году, на тринадцатомъ году отъ

(*) Извлечено изъ Морскаго Сборника; статья эта написана Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ.

рожденія, въ морской кадетскій корпусъ. Бѣдный сирота очутился на чужбинѣ, одинъ, безъ родныхъ, безъ покровителей, безъ наставниковъ, не зная никого во флотѣ, не имѣя даже, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ, мнчмана своимъ покровителемъ. Что, можетъ быть, привело бы въ уныніе другаго и лишило бодрости на неизвѣстномъ пути, то ободрило отрока тихаго, прилежнаго, умнаго, разсудительнаго. Съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ началъ онъ размышлять о жизни, о цѣли ея, о назначеніи человека, о величіи и прелести науки, о святости долга и службы, о славѣ, приобретаемой подвигами чести, особенно на томъ бурномъ поприщѣ, которое ему представлялось въ будущемъ. Товарищи его въ праздничные и бакантные дни разъѣзжались по домамъ, бросались въ веселый и беззаботный кругъ друзей и родственниковъ, и, послѣ праздниковъ, возвращаясь въ корпусъ, неохотно принимались за работу. Головинъ не зналъ этихъ развлеченій: трудъ,

ученіе, размышленіе—были его забавою и отрадою. Это одиночество дѣтскихъ лѣтъ, устранивъ его отъ шумныхъ удовольствій и суетъ, придало характеру его твердость, самостоятельность и какое-то отчужденіе отъ обществъ свѣтскихъ, которыя онъ во всю свою жизнь посѣщалъ только по долгу и необходимости. Въ 1790 году, чрезъ два года по вступленіи въ корпусъ, произведенъ онъ былъ, за успѣхи въ наукахъ и благоправное поведеніе, въ гардемарины, и отправленъ въ море на корабль *Неприменя*, подъ начальствомъ капитана Гревенна. 23 и 24-го мая онъ находился на этомъ кораблѣ, въ эскадрѣ вице-адмирала Круза, въ сраженіи русскаго флота съ герцогомъ Зюдерманландскимъ, при островѣ Сескарѣ.

Пораженные здѣсь Шведы удалились въ Выборгскій заливъ, гдѣ были заперты Чичаговымъ. Густавъ рѣшился пробиться, и 22-го іюня самъ погелъ свои корабли изъ залива, подъ непрерывнымъ огнемъ русскаго флота. Головиннѣ на-

ходился, во время этого сраженія, на томъ же кораблѣ *Петронъ-меня*, который стоялъ тогда между мысомъ Крюсерортомъ и банкою Сальваромъ. Четырнадцать лѣтній гардемаринъ, за оказанную имъ въ трехъ сраженіяхъ храбрость, былъ награжденъ медалью. Въ 1791 году онъ былъ произведенъ въ капитаны, а въ 1792 году въ сержанты. Въ этихъ годахъ онъ находился въ морѣ на корабляхъ: *Три-Святителя* (капитанъ Мосоловъ), *Изяславъ* (капитанъ Сиверсъ) и *Прохоръ* (капитанъ Скорбѣевъ). Въ 1792 году слѣдовало ему быть выпущеннымъ изъ корпуса въ офицеры, но этому встрѣтилось препятствіе: онъ кончилъ на семнадцатомъ году курсъ наукъ, который положено оканчивать на восемнадцатомъ, и оставленъ былъ въ корпусъ по малолѣтству. Сверстники, не имѣвшіе равнаго съ нимъ числа балловъ (онъ на экзаменѣ занялъ второе мѣсто изъ всѣхъ), надѣли офицерскіе мундиры, а онъ остался въ кадетскомъ. Горькая участь для молодого, честолю-

бываго челоѣка! Но это непріятное происшествіе послужило ему въ существенную пользу. До того времени, онъ занимался исключительно изученіемъ главныхъ предметовъ знанія, необходимыхъ для морской службы—науками математическими. Теперь обратилъ онъ вниманіе свое на предметы словесности и исторію, изучалъ собственнымъ трудомъ физикъ и естественную исторію; съ жаднымъ любопытствомъ читалъ книги о морскихъ походахъ и битвахъ, о путешествіяхъ въ дальнія, неизвѣстныя страны, о великихъ географическихъ открытіяхъ. Цѣлый міръ славы и чести представлялся пламенному юношѣ. Чтеніе англійскихъ мораллистовъ укрѣпило его нравственныя силы, познакомило съ достоинствомъ челоѣка, научило познавать себя, владѣть собою, отличать истинную честь и славу отъ тщеславія и наружнаго блеска, а описанія морскихъ путешествій поселили въ немъ непреодолимую страсть къ путешествіямъ. Наступило возжеленное время выпуска.

Это было въ январѣ 1793 года. Головинъ, сдѣлавшись господиномъ своего времени, не тратилъ его на забавы и развлеченія; онъ воспользовался имъ для довершенія своего образованія: продолжалъ учиться англійскому и французскому языкамъ, читалъ книги, самъ задавалъ себѣ вопросы. Но вскорѣ обязанности службы отвлекли его отъ мирныхъ занятій кабинетныхъ. Родственники совѣтовали ему заняться устройствомъ своихъ домашнихъ дѣлъ, и для того посѣтить родовое свое имѣнiе, которое было въ чужихъ рукахъ, и приходило съ году на годъ въ большее разстройство. Онъ не рѣшился на это, и хотѣлъ лучше потерять свое имѣнiе, нежели упустить случай къ трудамъ, подвигамъ и отличію. Продолжая службу, онъ надѣялся имѣть возможность путешествовать.

Дѣйствительно, съ самаго начатія службы, онъ почти непрерывно находился въ походахъ и за границею. Въ 1793 и 1794 годахъ на военномъ транспортѣ

Анна Маргарита, (капитанъ Креницынъ) ходилъ онъ въ Стокгольмъ, съ посломъ нашимъ графомъ С. П. Румянцовымъ. Въ маѣ 1795 года Головинъ отправился въ море на корабль *Рафаилъ* (сначала капитанъ Игнатевъ, а послѣ капитанъ Урликъ), во вспомогательной эскадрѣ вице-адмирала Ханыкова, посланной въ Англію въ то время, когда Императрица Екатерина, прекративъ сношенія съ Франціею, и желая сблизиться съ Великобританіею, одобрила предложеніе англійскаго кабинета о заключеніи тройнаго союза противъ Франціи, изъ Россіи, Англіи и Австріи. На *Рафаилъ* и на фрегатъ *Нареа* (капитанъ Трескинъ) В. М. Головинъ ходилъ нѣсколько разъ въ Англію и Норвѣгію и въ октябрѣ 1796 года возвратился въ Кронштатъ. Въ 1797 году онъ былъ назначенъ на корабль *Константинъ* (капитанъ Гревенсъ), и затѣмъ флагъ офицеромъ къ адмиралу Крузу, на корабль *Св. Николай* (капитанъ графъ Капеласъ), и находился въ эскадрѣ, со-

стоявшій подъ личнымъ начальствомъ Императора Павла. Въ 1797 и 1798 годахъ ходилъ онъ въ Сѣверное море и въ Англію на корабляхъ: *Ретвизанъ* (капитанъ Грейгъ), *Елисавета* (капитанъ Шишковъ), и *Сѣверный Орелъ* (капитанъ Свигинъ). Въ 1798 году онъ опять отправился въ Англію на корабль *Елисавета* въ должности флагъ-офицера (22) и переводчика при главнокомандующемъ русскою вспомогательною эскадрою, вице-адмиралъ Макаровъ, и въ августъ 1799 года участвовалъ въ высадкѣ десанта (23) на берега Голландіи и въ нѣсколькихъ бывшихъ при томъ сраженіяхъ, которыя, не взирая на упорное сопротивленіе Голландцевъ, кончились въ пользу Русскихъ и Англичанъ. Макаровъ, замѣтивъ необыкновенныя дарованія и отличную службу Головинца, возлагалъ на него важнѣйшія порученія. Въ 1799 году произведенъ онъ былъ, по представленію Макарова, за отличіе въ лейтенанты, а въ 1800 г. воротился въ Россію. Въ этомъ

году и въ слѣдующемъ Головиннѣ ходилъ въ море на корабляхъ: *Ростиславъ* (капитанъ Талакшеевъ) и *Всеволодъ* (капитанъ Гревенсъ). Одно исчисленіе судовъ, на которыхъ онъ находился въ морѣ, доказываетъ, что онъ постоянно искалъ дѣйствительной морской службы, и старался проводить большую часть года подъ парусами, а не на берегу.

По вступленіи на престолъ Императора Александра, водворился общій миръ въ Европѣ, и нашей морской силѣ не предвидѣлось никакихъ новыхъ подвиговъ. Головиннѣ много пріобрѣлъ знанія и опытности въ предшествовавшихъ походахъ, почувствовалъ, что этого еще мало, особенно когда сравнивалъ себя въ образованіи съ англійскими морскими офицерами, которыхъ ему случалось видѣть. Вскорѣ представилась ему возможность дополнить свое морское образованіе. Въ 1801 году былъ онъ отправленъ на три года въ Англію, въ числѣ нѣсколькихъ волонтеровъ, из-

бранихъ изъ лучшихъ морскихъ офицеровъ, для служенія на англійскомъ флотѣ. Бывшій тогда морской министръ, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, отиравля ихъ въ Англію, сказалъ имъ: «Вы должны знать, что васъ Государь посылаетъ служить въ англійскій флотъ не на одинъ только тотъ конецъ, чтобъ вы тамъ учились корабельнымъ маневрамъ, но вы обязаны входить и узнавать внутреннее устройство и хозяйство всего морскаго департамента, и сверхъ того, при случаѣ, замѣчать и узнавать состояніе земледѣлія, мануфактуръ, торговли и пр., дабы быть въ состояніи употребить ваши свѣдѣнія на пользу отечества, въ служеніи коему вы можете занять современемъ значительныя мѣста.» Головинъ всегда помнилъ это наставленіе, и въ полной мѣрѣ воспользовался случаемъ для обогащенія себя полезными свѣдѣніями. По прибытіи въ Англію, занимался онъ неутомимо высшими науками по своей части, жилъ тихо, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобъ только

пользоваться уроками перестепенныхъ профессоровъ. Обогатившись теоретическими свѣдѣніями, поступилъ онъ на дѣйствительную службу на британскомъ флотѣ. Головинъ служилъ на разныхъ корабляхъ и въ разныхъ частяхъ свѣта, подъ начальствомъ знаменитыхъ англійскихъ адмираловъ Кориваллиса, Нельсона, Коллингвуда, обратилъ на себя ихъ вниманіе, и пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Онъ находился при блокадѣ Тулона (въ августѣ 1804 г.), а ночью съ 19-го на 20-е января 1805 года, участвовалъ въ весьма опасномъ сраженіи, въ заливѣ Сервера, у береговъ Испаніи. При abordажѣ греческаго пирата гребными судами, посланными съ англійскаго фрегата *Фисгардъ*, Головинъ вызвался добровольно участвовать въ abordажѣ (24). Англичане потеряли въ этомъ дѣлѣ четвертую часть своихъ людей. Командиръ *Фисгарда*, лордъ Маркеръ, съ величайшею похвалою отзывался о неустрашимости, оказанной въ этомъ дѣлѣ лейтенантомъ Головиннымъ.

Въ 1805 году кончился срокъ службы его въ Англіи, но желая побывать въ Вестъ-Индіи, испросилъ онъ позволеніе на то посла нашего, графа Семѣна Романовича Воронцова, и прослужилъ еще годъ въ англійскомъ флотѣ, на своемъ издѣвсѣнн. Передъ отправленіемъ въ Вестъ-Индію, онъ послалъ морскому министру Чичагову сравнительныя замѣчанія свои о состояніи русскаго и англійскаго флотовъ—плодъ основательнаго изученія службы и устройства того и другаго. Возвратясь изъ Вестъ-Индіи онъ находился при блокадѣ Кадикса Колингвудомъ, въ мартѣ 1806 года, а въ августъ того же года прибылъ въ Петербургъ, чрезъ Стокгольмъ и Финляндію, съ депешами отъ посланника нашего въ Лондонъ, графа Строгонова. Въ томъ же году, вскорѣ по прибытіи въ Россію, назначенъ онъ былъ командиромъ шлюпа (25) *Diana*, назначавшагося въ кругосвѣтное путешествіе. Шлюпъ долженъ былъ отправиться въ путь лѣтомъ 1807 года. Время, оставав-

ишеся отъ заботъ о вооруженіи шлюпа, Головинишъ употребила на составленіе книги: «Военные морскіе сигналы для дневнаго и ночнаго времени, по новой системѣ, введенной тогда въ Англіи.» Эти сигналы были потомъ въ употребленіи на русскомъ флотѣ въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ. Главнымъ предметомъ экспедиціи шлюпа *Діана* были географическія открытія и описи въ сѣверной части Великаго Океана, преимущественно въ предѣлахъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъезженіе въ Охотскій портъ разныхъ морскихъ припасовъ.— 25-го іюля *Діана* снялась съ якоря. Головинишъ отправился въ путешествіе, которое должноствовало быть для него такъ славно и такъ ужасно.

Экипажъ *Діаны* составленъ былъ изъ отборныхъ людей, и снабженъ всѣмъ нужнымъ для долговременнаго путешествія и для произведенія ученыхъ наблюденій. Первымъ помощникомъ испросилъ онъ себѣ, перваго своего друга, лейтенанта П. И. Рикорда. В. М. Головинишъ умѣлъ со-

четать искренность дружества со всею
 строгостію, какой тре́буе́тъ служба, и
 служба флотская. Онъ былъ готовъ, при
 помощи усердныхъ и неустрашимыхъ
 товарищей своихъ, бороться со все́ми
 препятствіями, какія только природа
 противопоставитъ его плаванію, готовъ
 былъ, въ случа́ѣ нужды, выдержать и
 неравный бой, но съ нимъ встрѣтились
 обстоятельства, ко́торыхъ ни онъ и ни
 кто другой не могъ предвидѣть. За мѣ-
 сяцъ до отбытія его изъ Кроншта́та,
 заключенъ былъ миръ Россіи съ Фран-
 ціею, въ Тильзитѣ, разуме́ется безъ со-
 гласія и противъ желанія Англіи, но
 отъ этого было еще далеко до дѣй-
 ствительнаго разрыва долговременной
 дружбы и союза ея съ Россіею. Между-
 тѣмъ, по прибытіи къ берегамъ Даніи,
 Головинъ узналъ о нападеніи Ан-
 гличанъ на нейтральную Данію; Копен-
 гагенъ былъ въ осадѣ съ моря и съ суши.
 Онъ хотѣлъ освѣдомиться о положеніи
 дѣлъ у нашей мисіи, а посланникъ, со
 все́мъ дипломатическимъ корпусомъ,

былъ въ Роскильдѣ. Нашъ мореплава-
 тель, былъ свидѣтелемъ бомбардированія
 Копенгагена англійскимъ флотомъ, рѣ-
 шился продолжать предписанный ему
 путь; пришелъ въ Портсмутъ 6-го сев-
 тября, и принужденъ былъ пробыть
 тамъ два мѣсяца, чтобъ заготовить мно-
 гими необходимыми инструментами и
 другими вещами. Между тѣмъ слухи о
 войнѣ Англии съ Россіею становились
 громче и повсемѣстнѣе. Въ этихъ об-
 стоятельствахъ Головинъ обратился къ
 нашему посольству съ просьбою нехода-
 тайствовать ему у англійскаго прави-
 тельства паспортъ, какіе даются судамъ,
 плавающимъ для открытій и съ ученою
 цѣлью. Правительство согласилось и вы-
 дало паспортъ на свободное и безопа-
 сное плаваніе шлюпа. *Діана* отправи-
 лась въ путь 1-го ноябрю, и останавли-
 валась только у острова Св. Екатерины,
 при берегахъ Бразиліи, чтобы зажа-
 стись нужною провизіею. Головинъ на-
 мѣренъ былъ достигнуть Камчатки Ти-
 химъ океаномъ, обогнувъ мысъ Горнъ.

Встрѣченныя тутъ жестокія бури, заставили его спуститься къ мысу Доброй Надежды, съ тѣмъ, чтобъ, исправясь и освѣжась тамъ, плыть въ Камчатку уже вокругъ Новой Голландіи. На мысѣ, вмѣсто отдыха, ожидалъ его плѣнь. Выше было сказано, что ожиданіе разрыва между Россією и Англією, еще до отправленія *Діаны* изъ Европы, побудило Головинна взять на этотъ случай паспортъ отъ англійскаго правительства. Но этотъ документъ, подписанный въ тотъ самый день, когда объявлена была между обѣими державами война, послужилъ къ тому только, что шлюпъ, не бывъ въ то же время осужденъ, какъ законный призъ, и что его задержали подъ сомнѣніемъ, до полученія разрѣшенія изъ Англіи. Въ ожиданіи сего, Головиннъ приготавлилъ свое судно къ походу. Но чрезъ восемь мѣсяцевъ, по прибытіи изъ Англіи нѣкоторыхъ депешъ, въ которыхъ будто бы о *Діанѣ* не упоминалось, начальствовавшій Канскою станцією (26) адмиралъ вынудилъ,

у Головинна письменное обязательство не уходить изъ залива безъ разрѣшенія, грозя, въ случаѣ несогласія его на это предложеніе, свезти экипажъ на берегъ какъ плѣнный, и держать шлюпъ подъ англійскимъ карауломъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякихъ будто бы извѣстій изъ Англій. Молчаніе это могло быть изъяснено только расчетомъ, что Головиннъ, не находя наконѣцъ средствъ содержать и продовольствовать свою команду, долженъ будетъ согласиться на все. Съ этою же цѣлію, конечно, англійскій адмиралъ не только не оказывалъ ему ни въ чемъ ни малѣйшаго посѣбія, но еще дѣлалъ разныя притѣсненія, напримѣръ требуя, чтобы русскіе матросы были посылаемы работать на англійскія суда, въ чемъ однако Головиннъ прямо отказалъ ему. «Увѣрившись,» говоритъ Головиннъ, «что въ этомъ дѣлѣ, между Англичанами и мною, справедливость на моей сторонѣ, я рѣшился, не теряя перваго удобнаго случая, извлечь порученную мнѣ коман-

ду изъ угрожавшей намъ крайности—
уйти изъ залива и плыть прямо въ
Камчатку.»

«Чтобъ оцѣнить всю смѣлость этой
мысли,» говоритъ вице-адмиралъ Вран-
гель, въ біографіи В. М. Головнина,
«нужно замѣтить, что шлюпъ *Діана*
былъ поставленъ въ дальнѣйшемъ углу
залива, возлѣ адмиральскаго корабля, и
окруженъ многими другими кораблями
и фрегатами, мимо которыхъ непремѣн-
но должно было проходить, что всѣ
паруса были на немъ отвязаны, что,
сверхъ того ни офицеры, ни команда
не имѣли ни куска свѣжей провизіи, а
сухарей было очень мало. Для усиѣш-
наго преодоленія всѣхъ этихъ препят-
ствій требовалось большой рѣшимости,
и столько же благоразумія и преду-
смотрительности.»

Долго не было случая, благопріятство-
вавшаго исполненію намѣренія Голов-
нина: когда вѣтеръ способствовалъ, тог-
да на рейдѣ стояли фрегаты собсѣмъ
готовые идти въ море, а когда съ этой

сторонъ было безопасно — удерживалъ его вѣтеръ. Нѣсколько разъ днемъ, свѣжій вѣтеръ, попутный ему, начиналъ дуть, и Головинъ всегда приготовлялся въ такихъ случаяхъ къ походу, но къ ночи вѣтеръ или стихалъ, или совсѣмъ перемѣнялся и дѣлался противнымъ.

«Я зналъ,» говоритъ онъ, «что во всѣхъ гаваняхъ и рейдахъ, лежащихъ при высокихъ гористыхъ берегахъ, вѣтры очень часто дуютъ не тѣ, какіе въ то же время бываютъ въ открытомъ морѣ, а потому хотѣлъ точно узнать, какое здѣсь имѣютъ отношеніе прибрежныя вѣтры къ морскимъ; на сей конецъ я часто ѣзжалъ на шлюпкѣ въ Фальсъ-бей, бралъ съ собою компасъ, и замѣчалъ силу и направленіе вѣтра; на шлюпѣ дѣлалось въ тѣ же часы тоже. 16-го мая, сдѣлался крѣпкій вѣтеръ отъ сѣверо-запада; на вице-адмиральскомъ кораблѣ паруса не были привязаны, а другія военныя суда, превосходившія силою *Dianu*, не были готовы идти въ море; и хотя, по сигналамъ съ горъ, мы знали, что вид-

ны были два судна, лабирующія (27) въ заливъ, которыя могли быть военныя, и можетъ быть фрегаты, но такъ какъ имъ невозможно было приблизиться къ выходу прежде ночи, а положеніе наше оправдывало всякій рискъ, то, приготовясь къ походу, и въ сумеркахъ, тихо безъ шума, привязавъ штурмовыя стаксели (28), въ половинѣ седьмого часа вечера, при нашедшемъ тогда сильномъ шквалѣ съ дождемъ и пасмурностью, я велѣлъ отрубить канаты, и поверотся на шпрингъ (29), пошелъ подъ штурмовыми стакселями въ путь. Едва успѣли мы переѣхать мѣсто, какъ со стоявшаго недалеко отъ насъ судна тотчасъ въ рупоръ (30) дали знать на вице-адмиральскій корабль о нашемъ вступленіи подъ паруса. Какія мѣры были приняты, чтобъ остановить насъ, мы не извѣстно. На шлюпѣ во все время была сохраняема глубокая тишина. Минувавъ всѣ суда, мы, спустясь въ проходъ, въ ту же минуту начали поднимать брамъ-стенги и привязывать паруса. Офице-

ры, гардемарины, унтеръ-офицеры и рядовые все работали до одного на марсахъ и реяхъ (31). Съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминаю, что въ два часа они успѣли, не взирая на крѣпкій вѣтеръ, дождь и на темноту ночи, привязать фокъ, гротъ (32) и марсели (33) и поставить ихъ; выстрѣлить брамъ-стенги (34) на мѣста, поднять брамъ-реи (35) и брамсели поставить; поднять на свои мѣста лисель-спирты (36), продѣть все лисельныя снасти и изготовить лисели такъ, что еслибъ вѣтеръ позволилъ, то мы могли бы вдругъ поставить все паруса. Въ десять часовъ вечера мы были въ открытомъ океанѣ. Такимъ образомъ кончилось наше задержаніе, или, лучше сказать, нашъ арестъ на мысѣ Доброй Надежды, продолжавшійся одинъ годъ и 25 дней.»

Намѣреніе Головинна было скорѣе удалиться къ югу, плыть въ большихъ широтахъ прямо къ востоку, и обогнувъ Новую Голландію, не приходя на видъ береговъ оной, пройти между

ею и Новою Зеландіею; идти по восточную сторону Ново Гебридскаго архипелага и, пройдя между Каролинскими островами, править прямо къ Камчаткѣ. Разстояніе было велико; время коротко, и главнаго провіанта, сухарей, немного, такъ что онъ принужденъ былъ производить командѣ менѣе двухъ третей регламентной порціи. Но планъ его удался во всемъ, по его желанію. День и ночь *Diana* несла всевозможные паруса. Офицеры и нижніе чины были не утомимы. Головвинъ заходилъ только на островъ Тану, одинъ изъ Ново-Гебридскихъ, на которомъ со времени Кука не бывалъ никто изъ мореплавателей, и 23-го сентября благополучно прибылъ въ Камчатку.

«Камчатка,» говоритъ онъ въ описаніи своего путешествія, «представляла намъ картину, какой мы еще никогда не видали: множество сопокъ и превысокихъ горъ, съ соединяющими ихъ хребтами, были покрыты снѣгомъ, а подъ ними чернѣлись вдали лѣса и равнины.

Нѣкоторыя изъ вершинъ горъ походили на башни, а другія имѣли видъ ужасной величнны шатровъ, что подало поводъ острякамъ изъ нашихъ матросовъ сказать, что тутъ чертъ лагерьмъ расположился. Мысль эта была удачна, и въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что Милтъонъ въ своей поэмѣ: «Потерянный Рай» не могъ бы лучше уподобить военный станъ сатаны, когда онъ велъ войну противъ ангеловъ, какъ еслибъ сравнилъ его съ камчатскими горами въ осеннее время.»

За благополучное совершеніе многотруднаго путешествія Головинъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени, получивъ уже прежде того, 26-го ноября 1807 года (на тридцать первомъ году отъ рожденія), орденъ Св. Георгія за осьмнадцать морскихъ кампаній.

Путешествіе на шлюпѣ *Діана* описано В. М. Головиннымъ и напечатано въ 1819 году. Двѣ зимы 1809-10 и 1810-11 годовъ В. М. Головинъ провелъ въ Камчаткѣ. Въ это время онъ объѣхалъ весь полу-

островъ, и собралъ множество любопытныхъ замѣчаній объ этомъ отдаленномъ краѣ. Замѣчанія сіи заключаются въ не-напечатанномъ сочиненіи его: «Двукратное зимованіе въ Камчаткѣ и плаваніе къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки.» Въ маѣ 1810 года онъ вышелъ изъ Авачинской губы и отправился къ этимъ берегамъ для описи (57), и чтобъ отвести значительное количество хлѣба въ колоніи Россійско-Американской компаніи, которыя, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, должны были терпѣть большой недостатокъ въ хлѣбѣ. Голодъ, свирѣпствовавшій за нѣсколько времени предъ тѣмъ, имѣлъ даже слѣдствіемъ заговоръ нѣсколькихъ промышленниковъ, которые условились убитъ главнаго правителя г. Баранова, и, овладѣвъ однимъ изъ судовъ компаніи, отправиться на Сандвичевы острова. Къ счастью, Барановъ открылъ заговоръ и схватилъ виновныхъ. Головинъ прибылъ въ Ново-Архангельскъ, когда еще этотъ замѣчательный человѣкъ управлялъ колоніями Россійско-

Американской компаніи. Описывая бѣдственное положеніе колоній въ то время, В. М. отдастъ полную справедливость необыкновенному уму, твердости и дѣтельности г. Баранова. Барановъ получивъ отъ русскаго генеральнаго консула въ Соединенныхъ Штатахъ Дашкова извѣстіе, что колоніямъ угрожаетъ нападеніе корсаровъ (38), просилъ В. М. Головинна остаться со шлюпомъ въ Ново-Архангельскѣ до сентября, и потому *Діана* возвратилась въ Камчатку только осенью 1810 года. Въ этомъ году В. М. произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты.

Въ 1811 году возложено было на Головинна описать южные Курильскіе острова, Шантарскіе острова и Татарскій берегъ. Въ теченіе лѣта 1811 г. онъ занимался этимъ дѣломъ, пока не постигло его ужасное несчастіе—плѣнь въ Японіи, который продолжался слишкомъ два года. Результаты упомянутыхъ дѣйствій онъ напечаталъ, въ 1819 г., подъ заглавіемъ: «Сокращенныя записки флота ка-

питанъ-лейтенанта Головинна о плаваніи его на шлюпѣ *Diana* для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 году.»

Во время этой описи остановился онъ у острова Кунашира, въ заливѣ, населенномъ Японцами, и намѣревался наполнить свѣжею водою и запастись дровами. Японцы были тогда озлоблены, противъ Русскихъ, за нападенія на ихъ берега, сдѣланныя за нѣсколько лѣтъ до того командирами двухъ судовъ Россійско-Американской компаніи, Хвостовымъ и Давыдовымъ, безъ вѣдома напсего правительства. Они сначала опасались подобныхъ поступковъ и отъ Головинна; но въ послѣдствіи, по видимому, успокоились и обходились съ нимъ привѣтливо, пока не удалось имъ заманить Головинна въ самую крѣпость, гдѣ захватили его и бывшихъ съ нимъ на берегу мичмана Мура, штурмана Халбикова и четырехъ матросъ; связали ихъ по рукамъ и по ногамъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ и подъ сильнымъ карауломъ, влекли несчастныхъ плѣн-

никовъ четыре недѣли черезъ города и селенія до города Хакодаде; тамъ посадили ихъ въ небольшія клѣтки, поставленныя въ темномъ сараѣ, каждаго особо, и черезъ семь недѣль мучительнаго заключенія привели въ городъ Матсмай. Здѣсь положеніе ихъ улучшилось. Имъ оказывали состраданіе и заботились о ихъ здоровьѣ. Близость моря внушила плѣнникамъ мысль снастись бѣгствомъ. Зная трусость Японцевъ, они надѣялись овладѣть однимъ изъ стоявшихъ близъ берега или лежавшихъ на берегу судовъ, и на немъ достигнуть Камчатки. Всѣ, кромѣ Мура, согласились на это отчаянное предпріятіе, которое однако не увѣчалось успѣхомъ: на девятый день скитанія по верхамъ горъ и въ глубинахъ овраговъ, Японцы ихъ окружили и привели обратно въ тюрьму. Послѣ этого неудачнаго покушенія, Японцы не отягчали однако же участи плѣнниковъ, и не переставали оказывать имъ состраданіе и заботливость, при усиленныхъ впрочемъ мѣрахъ осторожности.

Между тѣмъ лейтенантъ Рикордъ, вступивъ въ командованіе шлюпомъ, принялъ самыя благоразумныя мѣры для освобожденія Русскихъ, вѣроломно захваченныхъ Японцами. Онъ поспѣшилъ опять въ Охотскъ, ѣздилъ въ Иркутскъ, и возвратился съ новыми полномочіями; въ слѣдующемъ 1812 году пришелъ къ японскимъ берегамъ на двухъ судахъ, но не могъ вступить ни въ какіе переговоры; наконецъ, захвативъ въ плѣнъ именитаго купца *Такатая Кахи*, возобновилъ въ 1813 году, при содѣйствіи этого умнаго и благороднаго Японца, дѣло освобожденія, и на этотъ разъ съ желаннымъ успѣхомъ: чрезъ двадцать шесть мѣсяцевъ и двадцать шесть дней заточенія, возвращень былъ Головинъ съ товарищами на шлюпъ *Діана*, въ заливѣ Хакодаде, 1-го октября 1813 года. Во время заключенія своего въ Японской тюрьмѣ, В. М. Головинъ выказалъ всю твердость духа своего и благородство образа мыслей. Изъ тюрьмы писалъ онъ 12 апрѣля 1813 года П. П.

Рикорду: «Знайте, гдѣ честь Государя и польза отечества требуютъ, я тамъ жизнь мою въ кофѣйку не ставлю, а потому и вы меня не должны щадить въ такихъ случаяхъ.» Далѣе, ужасаясь представившейся ему мысли, что сослуживцы его, которые столько стараются о его освобожденіи, могутъ быть сами взяты Японцами, онъ пишетъ: «Желалъ бы васъ увидѣть и обнять на *Dianp*, или въ Европѣ, но здѣсь—Боже оборони! Хочу лучше умереть самою мучительною смертію, нежели видѣть кого нибудь изъ моихъ соотечественниковъ въ подобномъ несчастіи, а не только друзей своихъ.»

Описаніе Японскаго плѣна, составленное Головиннымъ, было напечатано въ 1816 году. Оно переведено на многіе европейскіе языки, и обратило на себя особенное вниманіе въ Англіи, гдѣ, равно какъ и во Франціи, Голландіи и въ Германіи, имѣло нѣсколько изданій, и, въ сокращеніи, вошло въ библіотеки для

юношества на ряду съ нѣкоторыми классическими сочиненіями.

22-го іюля 1814 года, ровно чрезъ семь лѣтъ по отбытіи своемъ, Головининъ возвратился въ С. Петербургъ. Въ воздаяніе за труды свои и страданія онъ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга (27 іюля 1814 года), и получилъ пожизненный пенсіонъ по 1500 рублей ассигнаціями въ годъ.

Въ 1816 году В. М. Головининъ избранъ былъ въ почетные члены государственнаго адмиралтейскаго департамента, а въ 1817 году назначенъ начальникомъ новой кругосвѣтной экспедиціи. Онъ былъ тогда обрученъ съ дочерью тверскаго помѣщика, служившаго въ царствованіе Императрицы Екатерины поручикомъ въ Преображенскомъ полку, С. В. Лутковскаго, дѣвицею Евдокією Степановною. Предпочитая исполненіе долга службы собственному счастью, онъ рѣшился отложить совершеніе брака до возвращенія, и только чрезъ два года, и именно 15 октябрю 1819 года, всту-

нилъ въ союзъ, въ которомъ нашелъ от-
раду и утѣшеніе. «Положеніе, въ какомъ
я находился во время разлуки съ невѣ-
стой,» говоритъ онъ въ своихъ запис-
кахъ, «можно легче себѣ представить,
нежели описать.»

26-го августа 1817 года, онъ отпра-
вился въ путь, на шлюпѣ *Камчатка*:
заходилъ въ Портемуть, Ріо-Жанейро,
и обошелъ, въ январѣ 1818 года, мысъ
Горнъ, гдѣ терпѣлъ сильныя бури, за-
ходилъ въ Лиму, и въ маѣ прибылъ въ
Камчатку!

Здѣсь онъ нашелъ начальникомъ об-
ласти—друга своего и сослуживца П.
И. Рикорда. Онъ говоритъ объ этомъ
въ описаніи своего путешествія: «Не
могу умолчать о счастливой перемѣнѣ,
послѣдовавшей въ Камчаткѣ отъ новаго
преобразованія правленія оной и отъ
опредѣленія въ начальники оной одного
изъ самыхъ справедливейшихъ людей, ко-
торый, живши здѣсь нѣсколько лѣтъ,
имѣлъ случай и способность выкинуть
въ дѣла сей страны.»

Изъ Камчатки Головинъ отправился къ Командорскимъ и Алеутскимъ островамъ, пристава къ Кадыку, заходилъ въ портъ Ново-Архангельскъ, къ крѣпости Россъ, въ порты Монтерей и Румянцова, къ Сандвичевымъ островамъ, Маріанскимъ и въ Манилу.

Въ 1819 году онъ заходилъ на островъ Св. Елены, который служилъ въ то время мѣстомъ заточенія знаменитому узнику—Наполеону, на острова Азорскіе, въ Англію, и 5-го сентября прибылъ въ Кроунъ-штатъ, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта въ два года и десять дней. Описание путешествія на шлюпѣ *Камчатка* издано В. М., въ 1822 году, въ двухъ частяхъ.

Въ 1819 году былъ онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1821 году, съ производствомъ въ капитанъ-командоры, былъ назначенъ помощникомъ директора морскаго кадетскаго корпуса. Въ это время, В. М. Головинъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько полезныхъ книгъ.

25-го апрѣля 1823 года, назначенъ

опъ былъ флота генераль-интендантомъ. Чтобъ понять важность и затруднительность этой должности, надлежитъ знать, что въ вѣдѣніи генераль-интенданта находятся всѣ корабельныя постройки и береговыя зданія адмиралтейскаго вѣдомства отъ Риги до Камчатки, за исключеніемъ только черноморскихъ портовъ. Чрезъ полтора года по вступленіи его въ эту должность, случилось ужасное наводненіе (7-го ноября 1824 года), причинившее страшный вредъ въ Петербургѣ, и вообще по берегамъ Финскаго залива. Генераль-интенданту предстояло много трудовъ и заботъ, чтобъ исправить поврежденія, причиненныя наводненіемъ въ мѣстахъ подлежащихъ его вѣдѣнію. За успѣшныя дѣйствія свои пожалованъ опъ былъ, въ сентябрь 1825 г., орденомъ Св. Владимира 2-й степени.

Со вступленіемъ на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора началась, для русскаго флота, новая эра. Во всѣхъ адмиралтей-

ствахъ Россіи появилась невиданная до-
толѣ дѣятельность, такъ напримѣръ,
линейные корабли строились въ Петер-
бургѣ по три въ годъ, въ Архангельскѣ
по два. Не говоримъ уже о фрегатахъ
и другихъ судахъ. Кромѣ постройки,
надлежало заботиться о вооруженіи ихъ
и снабженіи припасами. Головиннѣ не-
усыпно и усердно отправлялъ много-
трудную свою должность, сопряженную
со строгою отвѣтственностію. Зная мор-
скую службу во всѣхъ ея подробностяхъ,
генералъ-интендантъ могъ слѣдить за всѣ-
ми исполнителями его предписаній: за-
мѣчалъ, исправлялъ всякую ошибку,
взыскивалъ за несправность, неумоли-
мо преслѣдовалъ злоупотребленія. Стро-
гій къ самому себѣ, недоступный коры-
столюбію, гнушавшійся пользоваться слу-
чаемъ, онъ шелъ прямою дорогою, не-
оглядываясь въ стороны: долгъ службы,
честь и правда были его закономъ и
щитомъ. На печати его вырѣзанъ была
стихъ Жуковского: «за правыхъ Прови-
дѣнъ.»

Въ 1826 году былъ онъ переименованъ изъ капитанъ - командоровъ въ генераль-маіоры, а въ 1827 году, при новомъ образованіи морскаго министерства, поступили подъ его начальство, по званію генераль-интенданта, департаменты кораблестроительный, комисаріатскій и артиллерійскій. Съ сею новою должностію увеличались до чрезвычайности труды и отвѣтственность. Съ упованіемъ на Бога и Государя, онъ не унывалъ, но продолжалъ службу по прежнему: по присягѣ, по совѣсти и по крайнему разумнію. Въ 1827 г. былъ онъ назначенъ членомъ комитетовъ образованія флота и устройства управленія корабельныхъ лѣсовъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, и получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени; въ 1830 году тотъ же орденъ съ Императорскою короною, и въ томъ же году произведенъ въ вице-адмиралы. Въ управленіе Головинна интендантскою частью, съ 25-го апрѣля 1825 года по 30-е іюня 1831 года, по-

строены были на балтійскихъ верфяхъ и въ Архангельскѣ: линейныхъ кораблей 26, фрегатовъ 21, шлюповъ 2, бриговъ 21, люгеровъ 5, шкунъ 8, яхтъ 5, пароходовъ 10, транспортовъ 12, канонерскихъ лодокъ 55, іоловъ 10, ботовъ 55, кромѣ разныхъ другихъ судовъ, и для вооруженія ихъ заготовлено соразмѣрное количество снарядовъ и припасовъ. Флотъ, вышедшій въ море въ 1850 году, состоялъ уже изъ 25 линейныхъ кораблей, 17 фрегатовъ, 32 бриговъ и шлюповъ, 34 мелкихъ судовъ и 5 пароходовъ, и имѣлъ 3345 пушки.

Головинъ былъ тогда въ полной силѣ мужества, въ той порѣ, въ которой человекъ, искушенный и укрѣпленный опытомъ и разсудкомъ, но еще не обезененный недугами и дряхлостью, можетъ быть истинно полезенъ Государю и отечеству своею службою, семейству своему примѣромъ и подпорою. Еще долгіе годы благородныхъ подвиговъ общала всѣмъ эта жизнь, и вдругъ она прекратилась отъ дуновения тле-

творной язвы. Въ іюнѣ 1851 года разразилась въ С. Петербургѣ губительная холера. Почувствовавъ первые приступы, Головинъ счелъ ихъ обыкновеннымъ припадкомъ разстройства въ желудкѣ, и принялъ домашнія средства, но болѣзнь вдругъ усилилась. Послали за врачомъ. Медицинскія пособія оказались тщетными. Болѣзнь дѣйствовала съ ужасающею силою, и чрезъ нѣсколько часовъ его не стало (30-го іюня). Тѣло его предано было землѣ на холерномъ кладбищѣ, нынѣшнемъ Митрофаніевскомъ.

Выше сего было сказано о разныхъ сочиненіяхъ Василія Михайловича. Онъ учился русскому языку въ то время, когда примѣръ, поданный Карамзинымъ, еще не дѣйствовалъ на книжный языкъ. Слогъ его не во всемъ подходитъ къ нынѣшнему, но онъ правиленъ, простъ, ясенъ и выразителенъ. Нѣтъ ни фразъ, ни восклицаній. Вездѣ мысль, дѣло, правда и откровенность.

Кромѣ званій по флоту, В. М. былъ

членомъ совѣта россійско-американской компаніи, учрежденнаго при правленіи этой компаніи, корреспондентомъ Императорской академіи наукъ, членомъ больнаго экономическаго общества, вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ и почетнымъ членомъ харьковскаго университета. Именемъ его названы слѣдующія мѣста: Заливъ Головинна, въ Беринговомъ проливѣ, на американскомъ берегу, по юго-западную сторону мыса Дербі, открытый капитаномъ Хромченко въ 1821 году; проливъ Головинна, между Курильскими островами Райкоке и Матуа; капитанъ Рикордъ проходилъ здѣсь въ 1812 году; мысъ Головинна, близъ мыса Лисбуриа, оконечность русской Америки, и гора Головинна, на Новой Землѣ, къ востоку отъ Маточкина шара подъ 71° широты.

В. М. Головинъ былъ роста средняго; глаза его блистали умомъ и добродушіемъ; на устахъ играла улыбка, насмѣшливая когда онъ говорилъ о дурачествахъ, слабостяхъ и порокахъ людей,

но вообще выраженіе лица его было серьезное и строгое. Въ обращеніи былъ онъ до крайности скромнъ, убогалъ споровъ, никогда не возглашалъ своего мнѣнія исключительно, никогда не говорилъ о своей службѣ и подвигахъ. За то и уваженіе къ нему было искреннее и глубокое. Добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, неутомимая дѣятельность, дивная неустрашимость среди опасностей, присутствіе духа при самыхъ ужасныхъ и непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ, твердость и терпѣніе въ перенесеніи страданій, быстрота въ соображеніи средствъ и рѣшительность въ исполненіи ихъ, и сверхъ всего этого строжайшая справедливость къ подчиненнымъ, честность и благородство души, самоотверженіе въ пользу ближняго, все это внушало искреннее къ нему почтеніе и безпредѣльную довѣренность. На военномъ судѣ, одно слово его, одинъ взглядъ приводили всѣхъ въ движеніе. Ему повиновались безропотно и безпрекословно. Въ

бытность его флагъ-офицеромъ вице-адмірала Макарова, на 22-мъ году отъ рожденія, онъ уже пользовался особеннымъ уваженіемъ старыхъ заслуженныхъ капитановъ.

Приведемъ одинъ случай изъ его жизни, какъ наиболѣе характеризующій твердость духа его. Когда онъ съ товарищами плѣна своего, ушедши изъ японской тюрьмы, нѣсколько времени блуждалъ по лѣсамъ и дебрямъ, питаясь травою; когда они видѣли предъ собою мучительную, голодную смерть, или гибель отъ руки непріятельской—возникъ между ними ропотъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ убить Головинна, какъ единственнаго виновника ихъ несчастія, а потомъ сдаться Японцамъ. Головинъ догадался объ ихъ замыслѣ, и когда они готовились прривести его въ исполненіе, твердо сталъ предъ ними съ единственною своею защитою, ржавымъ гвоздемъ, и разкрывъ грудь свою, сказалъ спокойно: «Я вашъ капитанъ, а вы покушаетесь на мою жизнь. Мнѣ не совладать съ ва-

ми: убейте меня, если хотите согрѣшить предъ Богомъ и Государемъ.» Несчастные вмигъ опомнились и бросились къ его ногамъ, заливаясь слезами, съ восклицаніемъ: «Ваше Высокоблагородіе! Батюшка Василій Михайловичъ, виноваты! Прости насъ, умремъ съ тобою!»

И этотъ человѣкъ, твердый и строгій въ исполненіи своего долга, неустрашимый среди величайшихъ опасностей—былъ въ обыкновенной жизни кротокъ и скромнъ, вѣрный другъ, добрый мужъ, нѣжный отецъ; заслуженная имъ слава не изгладится въ лѣтописяхъ русскаго флота, а умиленное воспоминаніе о благихъ качествахъ его души и сердца будетъ жить въ признательной памяти его родныхъ и друзей.

КАЗАРСКІЙ (*).

Подвигъ Казарскаго, есть примѣръ удивительнаго мужества и безстрашія, которое прославило русскій флагъ въ послѣднюю турецкую войну, въ 1828 и 1829 годахъ. Имена *Меркурій* и *Казарскій* пронеслись отъ одного конца Россіи до другаго, и даже самые непріятели наши удивлялись неустрашимости и храбрости командира брѣга, его офицеровъ и вообще всѣхъ на немъ находившихся.

Александръ Ивановичъ Казарскій, по-

(*) Изъ Морскаго Сборника и Военно-энциклопедическаго лексикона.

ступилъ на службу въ черноморскій флотъ волонтеромъ, въ 1811 году; въ 1813 году былъ произведенъ въ гарде-маринсы, въ 1814 г. въ мичмана т. е. въ офицеры, въ 1819 году въ лейтенанты. Съ 1815 года по 1820, онъ служилъ на дунайской флотиліи. Въ 1826 году былъ назначенъ командиромъ транспорта *Соперникъ*, которымъ командовалъ по 1828 г.; тогда открылась война съ Турціею и за храбрость оказанную при взятіи крѣпости Анапы, онъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты; въ томъ же году, при осадѣ крѣпости Варны, получилъ саблю за храбрость. Въ 1829 году сдѣланъ былъ командиромъ брига *Меркурій*, и плавая на немъ, имѣлъ счастіе, поставить имя свое въ ряду русскихъ героевъ.

Мая 14 фрегатъ *Штандартъ* и бриги *Орфей* и *Меркурій* плавали около Константинопольскаго пролива. На разсвѣтъ они увидѣли турецкій флотъ, въ числѣ осьмнадцати судовъ; онъ шелъ вдоль береговъ Анатолиі, направляясь къ за-

паду. Усмотрѣвъ наши суда, Турки немедленно устремились за ними. Фрегаты и бригъ *Орфей* успѣли уйти къ Сизополю, гдѣ стоялъ нашъ флотъ; но *Меркурій*, который ходилъ по хуже, отставъ отъ нихъ, былъ догнавъ лучшими ходами непріятельскаго флота: однимъ 110-ти пушечнымъ кораблемъ, подъ флагомъ капитана-паши, и однимъ 84-хъ пушечнымъ кораблемъ. Въ исходѣ втораго часа, они находились на полтора пушечныхъ выстрѣла отъ брига. Въ это время вѣтеръ стихъ и Казарскій, въ надеждѣ, что ему удастся уйти, обратился къ послѣднему средству—приказавъ выкинуть весла. Но и эта утѣшительная надежда продолжалась не долго: въ половинѣ третьяго часа вѣтръ опять засвѣжѣлъ, корабли начали приближаться и открыли огонь изъ носовыхъ пушекъ (онѣ называются *погонными пушками*). Видя, что ему не предстоитъ никакой возможности избѣжать неравнаго сраженія, Казарскій собралъ всѣхъ офицеровъ для военнаго совѣта.

Военный совѣтъ на судахъ собирается только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда капитанъ не рѣшается принять всю отвѣтственность на себя, по важности дѣла. Богу, Государю и Отечеству отвѣчаетъ онъ за жизнь всѣхъ людей, находящихся у него подъ командой, за цѣлость ввѣреннаго ему судна, а что всего важнѣе—за честь флага и имя русскаго воина.

Можно же себѣ теперь представить какія чувства волновали душу Казарскаго, когда онъ собралъ на совѣтъ офицеровъ. Въ подобныхъ случаяхъ, младшій подастъ мнѣніе свое первымъ, потомъ слѣдующій за нимъ, и такъ далѣе, и наконецъ однако капитанъ рѣшаетъ судьбу ввѣреннаго ему судна и людей, такъ какъ главная отвѣтственность на немъ. И тутъ также, первымъ долженъ былъ говорить младшій изъ офицеровъ, корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Прокофьевъ, который и подалъ мнѣніе, достойное русскаго моряка. Честь и слава ему! Онъ предложилъ биться до

послѣдней крайности, а когда не останется никакой надежды, зажечь порохъ и взорвать бригъ. Каково предложеніе? Кого оно не приведетъ въ восторгъ? Конечно офицеры и капитанъ брига *Меркурій* приняли съ восхищеніемъ мнѣніе Прокофьева и единодушно согласились: сражаться до послѣдней капли крови и наконецъ свалиться съ однимъ изъ двухъ непріятельскихъ кораблей и оставшемуся въ живыхъ зажечь крѣйтъ камеру, нарочно для того, заряженнымъ пистолетомъ, который положенъ былъ на шпиль (59).

По предложенію капитана, матросы съ восторгомъ объявили, готовность драться, пока они будутъ въ силахъ.

Каково?...Эти люди отдѣленные, только тонкою доскою отъ бездны морской, окруженные превосходными непріятельскими силами, съ радостію готовы встрѣтить смерть съ тѣмъ только, чтобы оставить неприкосновеннымъ честь своего флага!

Успокоенный такими чувствами своей команды, капитанъ-лейтенантъ Ка-

зарскій, приказалъ убрать весла, отрубить шлюпку, висѣвшую за кормой и открыть огонь изъ отступныхъ орудій (40).

Вскорѣ за тѣмъ, 110-ти пушечный турецкій корабль подошелъ къ правой сторонѣ брига и хотѣлъ дать въ него залпъ, но бригъ удачнымъ маневромъ избѣжалъ столь пагубнаго дѣйствія.

Такимъ образомъ, около получаса, онъ терпѣлъ только отъ однихъ погонныхъ пушекъ; послѣ того попалъ между двумя кораблями—изъ нихъ каждымъ сдѣлано было по бригу два залпа; съ корабля капитана-пашы закричали: «Сдавайся и убирай паруса!» Но на это, съ брига отвѣчали огнемъ всей артиллеріи и ружей, при громкомъ Ура! Оба корабля сдавшись за корму брига, продолжали до $4\frac{1}{2}$ часовъ непрерывную пальбу, такъ что на бригѣ сдѣлался даже пожаръ, но къ счастью онъ скорѣ былъ потушенъ.

Бригъ упорно отпаливался, избѣгая, по возможности продольныхъ выстрѣловъ, которые могли всего болѣе нанести ему вреда; смѣло дѣйствуя по 110-ти

пушечному кораблю правымъ бортомъ или правой стороной, онъ даже нанесъ кораблю этому значительное поврежденіе и такъ устрашилъ турецкаго адмирала, что тотъ видя, что бригъ ни подь какимъ видомъ не сдастся и скорѣе взлѣтитъ вмѣстѣ съ нимъ на воздухъ—оставилъ его въ покоѣ и легъ въ дрейфъ (41).

Другой корабль продолжалъ еще нѣсколько времени дѣйствовать подь кормою брига и билъ его продольными выстрѣлами, которыхъ никакъ нельзя было избѣжать. Наконецъ и тотъ послѣдовалъ примѣру своего адмирала и въ $5\frac{1}{2}$ часовъ также отсталъ отъ брига.

И такъ 18-ти пушечный русскій бригъ, въ продолженіи трехъ часовъ, сражался съ двумя огромными турецкими кораблями, имѣющими около 200 орудій, состоявшими подь личною командою главныхъ адмираловъ, и отъ этихъ превосходныхъ противниковъ ему удалось въ цѣлости уйти.

Уронъ брига состоялъ изъ четырехъ убитыхъ и шести раненыхъ нижнихъ

чиновъ; пробитъ (42) въ самомъ суднѣ было 22, поврежденій въ вооруженіи 297, сверхъ того разбиты шлюпки и повреждено одно орудіе.

Въ донесеніи своемъ капитанъ-лейтенантъ Казарскій говоритъ, что онъ не находитъ словъ для описанія храбрости, самоотверженія и точности въ исполненіи обязанностей, какія были оказаны всѣми вообще офицерами и нижними чинами въ продолженіи этого трехъ часового сраженія, не представлявшаго совершенно никакой надежды на спасеніе, и что только такому достойному удивленія духу экипажа и милости Божіей, должно приписать спасеніе флага и судна Его Императорскаго Величества.

Въ воздаяніе блистательнаго подвига брига *Меркурій*, вышедшаго побѣдителемъ изъ безпримѣрнаго боя, выдержаннаго имъ противу двухъ линейныхъ турецкихъ кораблей, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ: командира брига, капитанъ-лейтенанта Казарскаго, въ капитаны

2-го ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, и сверхъ того кавалеромъ ордена Св. Георгія 4-го класса. Лейтенантовъ Скарятина и Новосильскаго, мичмана Пригупова и корпуса флотскихъ штурмановъ поручика Прокофьева слѣдующими чинами, и первыхъ трехъ орденами Св. Владиміра 4-го класса съ бантомъ, а Прокофьева, какъ предложившаго мужественный совѣтъ взорвать бригъ на воздухъ, Св. Георгія 4-го класса. Всѣмъ нижнимъ чинамъ брига знаки отличія военнаго ордена; и всѣмъ вообще, какъ офицерамъ такъ и нижнимъ чинамъ, въ пожизненный пенсіонъ двойное жалованье по окладу, какой они получали до настоящаго производства. Выѣстъ съ тѣмъ Его Императорское Величество соизволилъ отличить и самый бригъ, пожалованіемъ оному Георгіевскаго флага; а дабы увѣковѣчить въ родѣ сихъ офицеровъ память примѣрной ихъ храбрости и мужественной рѣшимости на очевидную гибель, Государь

Императоръ соизволилъ повелѣть, чтобы пистолетъ, какъ оружіе, избранное ими для взорванія брига на воздухъ, при невозможности продолжать оборону, былъ внесенъ въ гербы ихъ.

Въ 28-й день іюля 1829 года, состоялся, на имя морскаго министра, Высочайшій именной указъ, представляющій новое доказательство вниманія Государя Императора къ твердости духа и самопожертвованію Казарскаго и его храбрыхъ подвижниковъ. Содержаніе этого указа слѣдующее:

«52-го флотскаго экипажа 18-ти пушечному бригу *Меркурій*, за славные подвиги съ двумя непріятельскими кораблями, Всемилостивѣйше даровавъ флагъ съ знаменіемъ Св. великомученика и побѣдоносца Георгія. Мы желаемъ, дабы память безпримѣрнаго дѣла его сохранилась до позднѣйшихъ временъ. Въ слѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ распорядиться, когда бригъ сей будетъ приходить въ неспособность продолжать болѣе служеніе въ морѣ, по-

«строить по одному съ нимъ чертежу
 «и въ совершенномъ съ нимъ сходствѣ
 «во всемъ, другое таковое же судно,
 «наименовавъ оное бригъ *Меркурій*, при-
 «писавъ къ тому же экипажу, на кото-
 «рое перенести и Всеплютивѣйше по-
 «жалованный Георгіевскій флагъ съ вым-
 «пеломъ; когда же и сіе судно станетъ
 «приходить въ вѣтхость, замѣнить его
 «другимъ новымъ, по тому же чертежу
 «построеннымъ, продолжая сіе такимъ
 «образомъ до времени позднѣйшихъ. Мы
 «желаемъ, дабы память знаменитыхъ за-
 «слугъ команды брига *Меркурій* и его
 «имя во флотѣ никогда не исчезали, и,
 «переходя изъ рода въ родъ, на вѣчныя
 «времена служили примѣромъ потомству.»

Изъ всего этого видно, что точно за
 Богомъ молива и за Царемъ служба,
 не пропадаютъ! И храбрые защитники
 брига *Меркурій* на самомъ дѣлѣ узнали
 какъ Русскій Царь награждаетъ сво-
 ихъ достойныхъ подданныхъ. Вскорѣ
 послѣ сраженія, гдѣ Казарскій получилъ
 контузію въ лѣвую часть головы, онъ

сдѣланъ былъ командиромъ фрегата *Ностинный*, а потомъ корабля *Тенедосъ*, съ которыми былъ опять у Константинопольскаго пролива и участвовалъ во взятіи Мессемврии.

Въ апрѣль мѣсяцъ 1851 года, флигель-адъютантъ Казарскій уволенъ отъ командованія кораблемъ и съ того времени состоялъ при особѣ Его Императорскаго Величества, выполняя разныя Высочайшія порученія, за которыя, въ томъ же 1851 году, пожалованъ въ капитаны 1-го ранга.

Но судьба не долго хранила этого вѣрнаго сына отечества. Александръ Ивановичъ Казарскій скончался 16-го іюня 1855 года, 56-ти лѣтъ, въ Николаевѣ, гдѣ и погребенъ, а памятникъ ему поставленъ въ Севастополѣ, на мысѣ, при входѣ въ этотъ портъ. Память его конечно останется на вѣки въ сердцахъ всѣхъ моряковъ, на которыхъ доблесть его подвига въ 1829 году, отразилась неизгладимо.

Не считаю излишнимъ приложить здѣсь отрывокъ изъ письма, написанна-

го турецкимъ штурманомъ, въ которомъ онъ говоритъ объ этомъ подвигѣ.

«Біюлиманъ, 27-го мая 1829 года. Во вторникъ, съ разсвѣтомъ, приближаясь къ Босфору, мы примѣтили три русскихъ судна: фрегаты и два брига; мы погнались за ними, но только догнать могли одинъ бригъ, въ три часа по полудни. Корабль капитанъ-наши и нашъ открыли тогда сильный огонь. Дѣло неслыханное и невѣроятное. Мы не могли заставить его сдаться; онъ дрался, отступая и маневрируя со всею искусствомъ опытнаго военнаго капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сраженіе, и онъ со славою продолжалъ свой путь. Бригъ сей долженъ потерять, безъ сомнѣнія половину своей команды, потому что одинъ разъ онъ былъ отъ нашего корабля на шестолетный выстрѣлъ, и онъ, конечно еще бы болѣе былъ поврежденъ еслибъ капитанъ-наша не прекратилъ огня часомъ ранѣе насъ, и сигналомъ не приказалъ бы намъ тоже сдѣлать.

«Въ продолженіе сраженія мы поняли, что капитанъ сего брига никогда не сдастся, и если онъ потеряетъ всю надежду, то тогда взорветъ бригъ свой на воздухъ. Ежели въ великихъ дѣлїяхъ древнихъ и нашихъ временъ находятся подвиги храбрости, то сей поступокъ долженъ всѣ оныя помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храмѣ славы: онъ называется капитанъ-лейтенантъ *Казарскій*, а бригъ *Меркурій*. Съ 20-ю пушками, не болѣе, онъ дрался противъ 220-ти, въ виду непріятельскаго флота, бывшаго у него на вѣтрѣ (45).»

Достаточно прочитать это писъмо, чтобы вполне оцѣнить подвигъ, которому даже самые непріатели наши удивлялись, восхищаясь безпримѣрнымъ безстрашіемъ Казарскаго и его сподвижниковъ.

ПАХТУСОВЪ и ЦИВОЛЬКА (*).

Далеко, на сѣверѣ, лежитъ городъ Архангельскъ, расположенный на берегу сѣверной Двины, впадающей въ Бѣлое море, которое есть не что иное какъ большой заливъ сѣвернаго Ледовитаго океана. При выходѣ изъ этого моря къ сѣверо-востоку лежитъ островъ Колгуевъ, а за нимъ большой островъ *Новая Земля*, который проливомъ *Маточкинъ шаръ*, раздѣленъ на два острова.

(*) Извлечено изъ Записокъ Гидрографическаго департамента; біографія Цивольки доставлена однимъ изъ его друзей.

Въ продолженіи девяти мѣсяцовъ къ этому острову нѣтъ приступу, съ сентября до конца мая, а иногда до половины іюня мѣсяца, онъ окруженъ сплошною массою льда; кромѣ того въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ непрерывная почъ объемлетъ эту землю, потому что солнце совсѣмъ не показывается изъ за горизонта; послѣ того оно является на нѣсколько минутъ, потомъ на полъ часа, на часъ и наконецъ болѣе мѣсяца совсѣмъ не заходитъ, короче сказать тамъ зимою почъ, а лѣтомъ день. Тамъ не увидишь, ни цвѣтка, ни деревца, но есть кой какая травка, дикій лукъ, да тощіе кустики, недостойные назваться даже деревцомъ. И не ужели тамъ живутъ люди? Нѣтъ.... А живутъ бѣлые медвѣди, моржи, тюлени и т. п.

Создатель нашъ, Который въ мірѣ нашемъ устроилъ все такъ премудро, поставилъ этотъ пустынный островъ, также не безъ цѣли, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ приносить не малую пользу не только людямъ, но и милліонамъ

животныхъ, обрѣтающихся въ тѣхъ странахъ.

Все побережье Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, населено смѣлыми мореходами, которые на утлыхъ лодьяхъ, пускаются въ безпредѣльное море, на промыслы рыбы и морскихъ звѣрей, изъ послѣднихъ добывается жиръ, шкуры и кости. Все побережье живетъ и питается этими промыслами.

Рыбаки, отправляясь на сѣверъ, подвергаются многимъ опасностямъ, и потому имъ необходимо имѣть убѣжище или притонъ, на случай если раніе льды ихъ застигнутъ, и они не будутъ въ состояніи во время возвратиться домой; или когда желая пользоваться ранцею весною, они съ намѣреніемъ зимуютъ; этотъ притонъ представляетъ имъ Новая Земля, гдѣ они проводятъ зиму; а сверхъ того самые берега этого острова изобилуютъ рыбами и животными, нужными для промышленниковъ.

Для того, чтобы плавать безопасно по морю, необходимо имѣть подробную

карту его береговъ. Благодаря трудамъ и самопожертвованію морскихъ офицеровъ нашихъ: Розмыслова, Поспѣлова, Лазарева, Литке (*), Пахтусова и Цивольки, у насъ есть карта этого острова, кромѣ сѣверо-восточной его части, которая еще не описана; карта эта достаточно обезпечиваетъ плаваніе безстрашныхъ промышленниковъ нашихъ, что много способствовало къ улучшенію быта жителей, береговъ сѣверной Россіи.

Сакень, Невельской, Сухотинъ и Казарскій, о которыхъ было уже говорено—герои. Они храбро бились съ непріятелемъ, жертвовали жизнью, для любимого отечества и для чести русскаго оружія, и имена ихъ останутся славными на вѣки. Пахтусовъ и Циволька, точно также пожертвовали своею жизнью—

(*) Капитанъ-лейтенантъ (нынѣ вице-адмиралъ и генералъ-адъютантъ) Федоръ Петровичъ Литке, ходившій четыре лѣта сряду къ острову Новой Землѣ, издалъ замѣчательное описаніе своихъ плаваній, подъ заглавіемъ: «Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый океанъ, въ 1821-1824 годахъ.»

они лишились ся также для пользы отечества и для пользы науки, они такіе же герои, и имена ихъ не должны быть забыты Русскими никогда! Они пали, не на полѣ брани, не съ оружіемъ въ рукахъ,—но далеко отъ всего имъ милого, на пустынномъ островѣ, окруженные льдомъ и снѣгомъ, отъ трудовъ и лишеній, претерпѣнныхъ ими на необитаемомъ островѣ, посреди Ледовитаго океана.

Пахтусовъ началъ, Циволька продолжалъ начатое имъ, Монсеѣвъ кончилъ; онъ одинъ уцѣлѣлъ, отъ этихъ сѣверныхъ экспедицій. Флота лейтенантъ Кротовъ, который отправился въ одно время съ Пахтусовымъ, безъ вѣсти погибъ, вмѣстѣ съ людьми и съ судномъ своимъ. Пахтусовъ въ послѣдствіи, нашелъ на берегахъ Новой Земли обломки шкуны *Енисей*, которой командовалъ Кротовъ. Вотъ все, что могли открыть объ участи этихъ несчастныхъ моряковъ.

Новая Земля открыта русскими промышленниками, вѣроятно еще въ началѣ XVI столѣтія, но въ географическомъ

отношеніи впервые осмотрена Голландцами и Англичанами, искавшими въ XVI и XVII столѣтіяхъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію. Эти мореплаватели доставили Европѣ первыя извѣстія о сѣверномъ берегу Россіи и Новой Землѣ; описанія ихъ и рассказы нашихъ промышленниковъ, были до позднѣйшаго времени единственными источниками нашихъ свѣдѣній о берегахъ этого обширнаго острова. Въ исходѣ XVII столѣтія прекратилась поиски сѣверо-восточнаго пути, и съ этого времени, въ теченіи цѣлаго столѣтія, образованные мореходцы не посѣщали Новую Землю.

Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, нѣсколько моряковъ, и въ томъ числѣ знаменитый мореплаватель нашъ Федоръ Петровичъ Литке, посѣщали островъ Новую Землю и составили карты большой части западнаго его берега, но до восточнаго берега никто не доходилъ.

Мысль описать восточный берегъ, давно уже была въ головѣ Пахтусова, онъ подалъ проэктъ, который и былъ принятъ.

1852 года 1-го августа, Пахтусовъ на небольшомъ, одно-мачтовомъ суднѣ, называемомъ боть *Новая Земля*, отпра-вился въ свою первую сѣверную экспе-дицію; съ нимъ были: кондукторъ кор-пуса флотскихъ штурмановъ Крапивинъ, и восемь человѣкъ матросъ. Провизіи имѣли они на 14 мѣсяцевъ. На случай зимовки отправленъ былъ на островъ Новую Землю крестьянинъ Гвоздаревъ, на лодкѣ со срубомъ избы; но онъ ту-да не прибылъ, и бѣдные мореплавате-ли остались безъ хорошаго жилья; вмѣ-стѣ съ Пахтусовымъ вышелъ въ море и лейтенантъ Кротовъ, объ участи ко-торого уже сказано было выше.

10-го августа, Пахтусовъ устроилъ берегъ Новой Земли; до 24-го августа онъ плылъ вдоль восточнаго берега ос-трова, производя описъ при весьма дур-ной, пасмурной и холодной погодѣ; въ это время онъ уже былъ между густымъ льдомъ. 1-го сентября, Пахтусовъ оста-новился на зимовку въ губѣ Каменкѣ, возлѣ берега которой, нашелъ старую

развалившуюся избу, выстроенную въ-
роятно, зимовавшими тутъ прежде про-
мышленниками. Изба была до того вѣт-
ха, что представляла весьма дурное и
тѣсное убѣжище, но что же дѣлать, за
неимѣніемъ лучшаго, надобно было до-
вольствоваться тѣмъ, что нашли; собирая
по берегу лѣсъ, выброшенный моремъ,
кое-какъ поправили избу и забили всеъ
щели мхомъ, который растетъ въ изобиліи на Новой Землѣ. Все это было со-
пряжено съ большими трудами и опа-
сностями, такъ-какъ надобно было хо-
дить за 7 и за 8 верстъ, чтобы соби-
рать выкидной лѣсъ и дрова для топ-
ленія, да въ добавокъ въ весьма дурную
погоду. Не смотря на то, люди Пахту-
сова были веселы и бодры. 12-го сен-
тября стужа уже доходила до 15½ гра-
дусовъ Реомюра и въ этотъ день губа
Камешка покрылась льдомъ. Около двѣ-
надцати часовъ, того же дня, они уви-
дали стадо олсней, состоящее не менѣе
какъ изъ 500 головъ. Стрѣлки тотчасъ
отправились и убили трехъ оленей; вку-

ское ихъ мясо было весьма полезно бѣднымъ нашимъ морякамъ. Надобно сказать, что на морѣ, и особенно въ сѣверныхъ климатахъ свирѣпствуетъ ужасная цынготная болѣзнь, она очень опасна, мучительна и часто смертельна. У больного пухнуть ноги и десны, открываются раны, человекъ слабѣетъ, слабѣетъ и наконецъ умираетъ. Лучшее лекарство отъ этой ужасной болѣзни, движеніе и свѣжая пища; а гдѣ ее достать на Новой Землѣ? И такъ понятно, что эти три оленя были подаркомъ Провидѣнія нашимъ мореплавателямъ, и подаркомъ безцѣннымъ. 15-го сентября въ первый разъ увидѣли медвѣдя, но онъ, дойдя до избы, поворотилъ и ушелъ назадъ. Бѣлый медвѣдь, звѣрь весьма опасный, онъ чрезвычайно лютъ, и съ нимъ довольно трудно справиться. Къ 19-му сентября кончили избу, выстроили башню, вытащили судно на отмель и все изъ него выгрузили.

Изба была поставлена на окладныхъ бревнахъ старой промышленничьей из-

бы, найденной ими 25 августа. Изъ нихъ могли быть употреблены въ дѣло только три ряда или вѣща; остальные должны были пополниться изъ собраннаго выкиднаго лѣса. Окладные бревна старой избы занимали пространство квадрата на 13-ти футахъ. Вышина выведенныхъ стѣнъ была $5\frac{1}{2}$ футъ; крыша, настланная привезенными на боту изъ Архангельска досками, служила также потолокомъ; вышина избы на среднѣ была 7 футъ. На крышу накидали песокъ и негодныя къ постройкѣ остатки бревенъ и изба была проконопачена мхомъ. Около боковыхъ стѣнъ, сдѣланы нары изъ тѣхъ же досокъ на $1\frac{1}{2}$ фута отъ земли; досокъ на полъ не достало. Въ сѣверо-западномъ углу избы поставлена была печка изъ привезенныхъ кирпичей; въ $2\frac{1}{2}$ или 3-хъ саженьяхъ къ сѣверу, отъ дверей избы они построили баню, также изъ стараго набраннаго лѣса. Эти два строенія соединили небольшою сѣнью или корридоромъ, шириною въ 4 фута. Западная сторона сѣней ос-

талась старая, а восточную составили изъ бочекъ съ провизіею. На крышу сѣней или корридора употребили весла, негодныя доски и паруса. Въ сѣняхъ хранили они теплую одежду, чтобы въ избѣ она не сырѣла отъ тепла, провизію, оружіе, небольшой очагъ для варки пищи, и все нужное для ежедневнаго употребленія. Постройка избы продолжалась 11 дней. Устроенное такимъ образомъ жилище, конечно не представляло большихъ удобствъ, но за неимѣніемъ лучшаго, они были и тѣмъ довольны. Однакожъ, они очень жалѣли, что изба, отправленная на лодѣ съ Гвоздаревымъ, не попала къ нимъ въ руки (*).

Поселившись въ избѣ, Пахтусовъ распредѣлялъ всю команду на очереди, по два человека въ каждую. Часовые обязаны были осматривать судно и вѣншую сторону сѣней, а ночью наблюдать

(*) Гвоздаревъ, по причинѣ противныхъ вѣтровъ и дурной погоды, не попалъ къ мѣсту назначенія.

за огнемъ и скляшками (песочные часы). Нахтусовъ очередовался съ помощникомъ для веденія метеорологическаго журнала. Дѣятельная жизнь могла одна предохранить ихъ отъ цынги, которой должны они были бояться, по тѣснотѣ и сырости своего жилища.

На третій день послѣ переборки ихъ въ избѣ, изъ моха въ щеляхъ стѣнъ, мѣстами, показалась трава; недѣли черезъ двѣ нѣкоторые стебли ея были длиною до 8-ми дюймовъ. Во все время пребыванія Нахтусова на Новой Землѣ, онъ не видалъ зелени, да и въ послѣдствіи не случилось видѣть такой большой и свѣжей. Однако онъ не радовался превращенію избы въ оранжерей, и, по возможности, очищалъ стѣны отъ этого украшенія.

Не смотря на плохое устройство избы и сырые дрова, было въ ней тепло, даже при морозахъ выше 50-ти градусоу, но за то очень сыро. Прохаживаться въ избѣ не было возможности по тѣснотѣ; люди ходили въ баню каждую недѣлю; бѣлье мѣняли два раза въ недѣлю. Спать

дозволялось имъ только ночью, не болѣе восьми часовъ; гулять выходили такъ часто, какъ позволяла погода. Сидя въ избѣ, каждый занимался своею работою: одинъ чишилъ платье, другой снаряжалъ оружіе для промысла звѣрей, остальные разговаривали про былое и пѣли пѣсни. По воскресеньямъ читали общую молитву; пища была для всѣхъ одна и та же. Пахтусовъ старался удерживать товарищей своихъ отъ несумѣренности, потому что при отягощенномъ желудкѣ неодолимо клонить сонъ. Утромъ около 5-ти часовъ пили чай или сбитень; въ 7 или въ 8 часовъ немного завтракали; въ 12 обѣдали, вечеромъ пили чай только тогда, когда днемъ много ходили, а чаще вмѣсто чаю около 6-ти часовъ ужинали. Водку давали только послѣ трудныхъ работъ, или въ несчастные дни послѣ прогулки. Такъ проводили они жизнь въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ и имъ предстояла ужасная и продолжительная зима.

Чтобы придать занимательность ежедневнымъ прогулкамъ, Пахтусовъ при-

казалъ поставить по берегу моря, на двѣ версты въ обѣ стороны отъ избы, нѣсколько *кулѣмъ* (ловушки) для промысла песцовъ. Эта охота служила всѣмъ развлеченіемъ, три или четыре дня въ недѣлю. Построеніе и настороженіе *кулѣмъ*, не стоитъ никакой издержки и не требуетъ искусства; онѣ ставятся изъ выкиднаго лѣса, и даже изъ сыраго и гнилаго, негоднаго для дровъ; для приманки или наживки, кладутъ въ каждую *кулѣму* ворваннаго сала или свишаго жиру. Когда звѣрь тронетъ приманку, его придавить доскою и задержать въ *кулѣму* до прибытія охотниковъ. Въ продолженіи октября и ноябрю погода стояла, то очень холодная, то теплая, такъ что губа Каменка очищалась два раза отъ льда, во второй разъ на 18 дней, т. е. отъ 15-го ноябрю по 4-е декабря; 23-го ноябрю случились съ ними два приключенія.

Послѣ полудня, двое людей, ходившіе на боть, для осмотра, при выходѣ изъ него увидѣли бѣлаго медвѣдя, не далѣе

какъ въ 4-хъ саженьяхъ. Оружія никакого при нихъ не было. Чтобы отогнать медвѣда и дать знать объ угрожавшей имъ опасности находившимся въ избѣ промысловикамъ, закричали они, какъ могли громче; медвѣдь, посмотрѣвъ на нихъ пристально, пошелъ въ гору. Тотчасъ, взявъ ружья, отправились велѣдъ за звѣремъ; онъ весьма часто садился и смотрѣлъ на преслѣдовавшихъ его непріятелей, а по приближеніи ихъ къ нему на ружейный выстрѣлъ, уходилъ впередъ, и потомъ опять садился и смотрѣлъ. Застрѣльщики вынуждены были дать по нему выстрѣлъ, не доходя до настоящаго разстоянія. Лишь только увидѣлъ онъ огонь на полкѣ, какъ въ то же мгновеніе бросился бѣжать и скрылся изъ виду. Спустя часъ по возвращенію въ избу, гдѣ еще продолжался разговоръ объ этомъ звѣрѣ, одинъ изъ служителей вышелъ въ сѣни, и, отворяя наружныя двери, увидѣлъ другаго бѣлаго медвѣда, который ѣлъ ворванное сало изъ стоявшей подлѣ сѣней бочки; человекъ

отъ испуга закричалъ, а медвѣдь, повернувшись, бросился къ сѣнямъ. Охотники выскочили, и лишь только отворили двери, медвѣдь вдругъ кинулся на стрѣлковъ, и едва не схватилъ одного изъ нихъ за руку; другой застрѣльщикъ, хотя и выстрѣлилъ, но въ торопяхъ далъ промахъ. Послѣ этого, медвѣдь опрометью бросился чрезъ глубокой суметь сѣга, перескочилъ по лебнцу дровъ и стремительно скатился подъ гору въ губу Каменку.

5-го ноября солнце скрылось для нихъ на долго и началась продолжительная ночь; только 9-го января 1855 года, т. е. чрезъ 65 дней, они опять увидѣли солнце. Во время этихъ 65-ти дней, заря продолжалась ежедневно $2\frac{1}{2}$ часа, луна и свѣтъ сѣвернаго сіянія, помогали бѣднымъ затворникамъ видѣть.

12-го января, избу опять посѣтилъ бѣлый медвѣдь, онъ чуть-чуть не взлѣзъ на крышу сѣней, и если бы онъ это сдѣлалъ, то непременно бы провалился

и дѣло, пожалуй, не обошлось бы безъ хлопотъ.

Къ 24-му іюня судно было изготовлено, и того же числа, Пахтусовъ на лодкѣ отправился для продолженія описи, поручивъ судно кондуктору Крапивину.

Въ продолженіи всей зимы, Пахтусовъ велъ метеорологическій журналъ, т. е. замѣчалъ состояніе погоды, температуру воздуха, всѣ воздушныя явленія, толщину льда, и т. п. Кромѣ встрѣчъ съ медвѣдями, замѣчательнаго ничего не случилось. Одного убили и вотъ какимъ образомъ: 12-го марта къ вечеру, сидя въ избѣ, слышали за стѣною хрусть снѣга, и взглянувъ въ окно, увидѣли у угла избы бѣлаго медвѣдя, который вскорѣ подошелъ къ окну и глядѣлъ въ комнату минутъ пять. Тотчасъ охотники вышли въ сѣни, и ранили медвѣдя позади переднихъ лаптокъ. Онъ бросился бѣжать и попалъ на веревку, на которой сушили бѣлье. Толстая веревка оборвалась и раненый звѣрь побѣжалъ къ губѣ Каменикѣ, но,

удалась сажень на 50, изнемогъ и упалъ. Тогда сдѣлавъ другой выстрѣлъ по головѣ медвѣдя, и рогатина dokonчила его. Изъ всѣхъ видѣнныхъ медвѣдей, только еще первый достался имъ въ добычу.

Въ началѣ весны, Пахтусовъ ходилъ дѣлать береговую опись два раза, претерпѣвая всѣ возможные лишенія, проводилъ ночи на снѣгу и, во время страшной бури, сопровождаемой большимъ морозомъ, чуть не погибъ вмѣстѣ съ своими спутниками, отъ холоду, изнеможенія и жажды.

Не считая нужнымъ слишкомъ распространяться объ этомъ, я только хотѣлъ изобразить, хотя кратко, что значить провести зиму на островѣ Новая Земля.

Во время зимовки двое служителей умерли, отъ цынготной болѣзни, а третій скончался уже на возвратномъ пути.

Кромѣ трехъ убитыхъ оленей и медвѣдя, они стрѣляли гусей и другаго рода птицъ; ловили песцовъ и нерпъ; другой свѣжей пищи они не имѣли.

Іюля 6-го Пахтусовъ соединился съ Крапивиннымъ, и пошелъ къ сѣверу, продолжая начатую имъ охоту до 17-го августа; тогда наступившій холодъ не допустилъ его подняться сѣвернѣе Маточкина Шара, и онъ пошелъ обратно въ Архангельскъ. 26-го августа, вытерпѣвъ весьма сильную бурю, ботъ сталъ на якорь у острова Колгуева.

Противный вѣтеръ, принудилъ Пахтусова идти къ Тиманскому берегу и войти въ устьѣ рѣки Печоры; входя въ рѣку, ботъ сталъ на мѣль, но къ счастью удалось его снять, потому что при бывшемъ тогда свѣжемъ вѣтрѣ легко могло бы разбить судно въ щепы. Плаваніе Пахтусова кончилось неудачно, онъ принужденъ былъ выбросить судно свое на берегъ, что бы спасти людей, инструменты, журналы и карты, а то могло бы случиться то, что все его труды пропали бы даромъ. Къ счастью все спаслось и часть вещей.

Здѣсь, по прошествіи 15-ти мѣсяцевъ, Пахтусовъ и его солутники въ первый

разъ увидѣли людей, не принадлежавшихъ къ экспедиціи. По позднему времени, нельзя было и думать о продолженіи пути въ Архангельскъ моремъ, а потому боть разружили и отдали подъ при- смотръ одного изъ мезецкихъ мѣщанъ, тамъ проживающаго.

1-го октября, сдавъ команду Крапивицу и предписавъ ему, съ возстановленіемъ зимняго пути, отправиться также въ Архангельскъ, переѣхавъ Пахтусовъ чрезъ Печору въ самоѣдскій чумъ (жилье), гдѣ онъ взялъ оленихъ и отправился по тундрѣ, далѣе, на слѣдующія самоѣдскія кочевья. Это путешествіе было чрезвычайно медленно. Иногда по нѣскольکو дней онъ принужденъ былъ жить съ Самоѣдами, пока они принесли своихъ оленихъ; часто, пріѣхавъ на мѣсто, гдѣ предполагали пайти чумы, не находили ихъ и блуждали по тундрѣ, отыскивая кочующихъ Самоѣдовъ, не занявшихъ еще обычныхъ зимнихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, не ранѣе 14-го нояб-

ря, прибылъ Пахтусовъ въ Мезень, а 21-го числа въ Архангельскъ.

Не смотря на трудности первой экспедиціи, Пахтусовъ пошелъ вторично на Новую Землю въ 1834 году.

Экспедиція отправилась на двухъ судахъ, одно подъ командою подпоручика Пахтусова, другое подъ командою кондуктора Цивольки, и съ ними было 14 человекъ матросъ и одинъ фельдшеръ. Оба судна были названы въ память, отправившихся въ одно время съ Пахтусовымъ и погибшихъ въ 1832 году, лейтенанта Кротова и поручика Казакова.

Суда вышли 24-го іюля изъ Архангельска, а 9-го августа пришли на видъ острова Новой Земли. Пахтусовъ, тотчасъ приступилъ къ описи, но погода много ему препятствовала. 30-го августа суда вошли въ Маточкинъ Шаръ. Пахтусовъ хотѣлъ продолжать опись, но ранніе льды ему помѣшали, и онъ принужденъ былъ остаться и приготовить зимовье. Какъ и въ прошлую экспе-

дицію они выстроили избу и баню; но помещеніе было больше и лучше нежели въ первый разъ. 1-го ноября они простились съ солнцемъ до 20-го января 1855 года, когда они опять увидѣли изъ за горъ лучи отраднаго свѣтла. Весною занимались описью берега и охотою.

Іюня 50-го, по очисткѣ льда, Пахтусовъ вышелъ въ море къ западу, для продолженія работъ, съ намѣреніемъ податься какъ можно далѣе на сѣверъ. Но тутъ случилась неудача, карбасъ (44) *Казакъ*, на которомъ онъ отправился, попалъ во льды и былъ затертъ, но люди и нужнѣйшія вещи были спасены на лодьяхъ, случившихся тутъ промышленниковъ. Выѣстъ съ ними Пахтусовъ возвратился въ Маточкинъ Шаръ, куда прибыли 9-го августа. Циволька остался для изготовленія шкуны *Кротовъ* въ море, а Пахтусовъ на другомъ карбасѣ, выстроенномъ имъ зимою, съ пятию матросами, отправился опять производить опись. Но льды и дурная погода, не позволили ему далеко отойти, и онъ

принужденъ былъ возвратиться къ мѣсту зимовья. Наконецъ, 7-го сентября, Пахтусовъ пустился въ обратный путь; 7-го октябрю благополучно прибылъ въ Архангельскъ, потерявъ въ продолженіи второй экспедиціи только двухъ человекъ.

По прибытіи въ Архангельскъ, Пахтусовъ сталъ приводить дѣла экспедиціи въ порядокъ, для отдачіи полного отчета о своихъ дѣйствіяхъ. Непомѣрные труды, перенесенные имъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, въ продолженіи двухъ экспедицій разстроили крѣпкое здоровье его, и онъ захворалъ. Будучи до того времени чрезвычайно спокойнаго и терпѣливаго нрава, тутъ сдѣлался до крайности раздражителенъ; это еще болѣе развило въ немъ простудную лихорадку, которою страдалъ онъ послѣ крушенія карбаса; у него сдѣлалась горячка, и 7-го ноябрю онъ скончался.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ его жизни и службѣ.

Петръ Козмичъ Пахтусовъ, родился

въ 1800 году въ Кронштатѣ. Отецъ его былъ оставной шхиперъ 13-го класса, родомъ изъ Сольвычегодска, Вологодской губерніи; тамъ съ родителями провелъ Пахтусовъ свое младенчество. На восьмомъ году возраста лишился онъ отца; его мать переѣхала тогда жить въ Архангельскъ, и онъ отданъ былъ въ военно-сиротское отдѣленіе, нынѣшній баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Тутъ началъ онъ учиться отлично-прилежно, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ быстрыхъ способностей. Бѣдность матери поставляла его въ необходимость собирать въ адмиралтействѣ щепу; онъ часто отдавалъ ее писарямъ, получая отъ нихъ на обмѣнъ бумагу и прочее, въ чемъ нуждался для ученія. Кромѣ прилежанія, полѣтамъ своимъ, былъ чрезвычайно силенъ и смѣлъ; имѣлъ собственную лодку, ѣзжалъ верстъ за 50 отъ Архангельска на взморье, одинъ, ловить рыбу и стрѣлять птицъ; это рано пріучило его къ морю и вообще къ трудамъ и дѣятельности. Онъ сдѣлался славнымъ стрѣл-

комъ и пловцомъ; такъ-то учить нужда!

Между тѣмъ, ученіе его шло такъ успешно, что онъ обратилъ на себя вниманіе начальства, и въ 1816 году былъ переведенъ въ штурманское училище въ Кронштатъ. Переездъ туда океаномъ, онъ сдѣлалъ на военномъ кораблѣ. Это было первое его морское путешествіе; въ послѣдствіи онъ плавалъ ежегодно. Скажемъ о замѣчательныхъ его плаваніяхъ.

Въ 1818 году, возвращаясь изъ Испаніи на купеческомъ транспортѣ *Карминъ*, подъ командою капитанъ-лейтенанта Богданова, претерпѣли они крушеніе у мыса Скагена (на сѣверной оконечности Ютландіи). При этомъ несчастіи погибъ со славою достойный ихъ начальникъ, не хотѣвшій оставить корабля своего иначе, какъ послѣднимъ; съ нимъ утонули офицеръ и нѣсколько матросъ. Спасшіеся, въ томъ числѣ и Пахтусовъ, перевезены были въ Копенгагенъ, гдѣ провели зиму, и лѣтомъ 1819 года воз-

братились благополучно въ Кронштатъ. Этотъ случай, въ самомъ началѣ морской службы Пахтусова, познакомиль его съ ея опасностями и трудностями, и можно сказать, закаляль сердце его противъ ударовъ двухъ стихій: воды и воздуха, съ которыми въ послѣдствіи онъ такъ неутомимо боролся.

Въ 1820 году, Пахтусовъ былъ выпущенъ изъ училища, штурманскимъ помощникомъ унтеръ-офицерскаго чина, и въ то же лѣто посланъ изъ Кронштата въ Архангельскъ моремъ. Съ этого времени, началась дѣйствительная его служба, въ настоящемъ значеніи этого слова; онъ до конца жизни своей, почти постоянно участвовалъ въ разныхъ ученыхъ и трудныхъ экспедиціяхъ на сѣверѣ.

Въ 1821, 1822 и 1824 годахъ былъ помощникомъ штурмана 12-го класса Иванова, при описи рѣки Печоры и берега Ледовитаго океана, къ востоку отъ нея до острова Вайгача.

Въ эту экспедицію, Пахтусовъ коротко познакомился съ природою того края

и съ безстрашнымъ характеромъ и предпріимчивостію его жителей. Это породило въ немъ мысль и охоту проникнуть на неприступный дотолѣ восточный берегъ острова Новой Земли, и описать его; мысль, въ которой онъ утвердился еще болѣе, во второе пребываніе свое на сѣверѣ въ 1826 году. Тогда, находясь подъ командою штурмана Бережныхъ, они описали берегъ Ледовитаго океана, къ западу отъ Печоры до Бѣлаго моря, и островъ Колгуевъ.

Съ 1827 года, Пахтусовъ, переименованный въ кондукторы корпуса флотскихъ штурмановъ, занимался подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта М. Ф. Рейнке, описью и промѣромъ Бѣлаго моря, участвуя въ этой экспедиціи во все время ея дѣйствій, кромѣ послѣдняго 1832 года, когда уже онъ получилъ, какъ мы видѣли, другое, болѣе важное назначеніе.

Въ 1828 году, произведенъ онъ былъ въ прапорщики, а въ 1831 году въ подпоручики. Но чины не удовлетворяли

его желаніямъ. Онъ думалъ только о своемъ предпріятіи, и, къ счастью, познакомился, въ 1829 году, съ ученымъ лѣсничимъ г. Клоковымъ, который предполагая открыть плаваніе Ледовитымъ моремъ къ рѣкѣ Енисею, для торговли съ сибирскими губерціями, считалъ необходимымъ описать и Новую Землю, какъ станцію на этомъ пути, особенно восточный ея берегъ. Планъ этотъ не удалось имъ выполнить прежде 1852 года. Тогда г. Клоковъ склонилъ коммерціи совѣтника Брандта съ сыномъ, отправитъ, на общемъ издѣвешіи, экспедицію къ рѣкѣ Енисею и на Новую Землю. Правительство, утвердивъ проектъ ихъ, даровало имъ на свободные промыслы морскихъ звѣрей въ Ледовитомъ морѣ, 25-ти лѣтнюю привилегію.

Экспедиція состоялась. Лейтенантъ Кротовъ принялъ на себя открытіе пути въ Енисей, а Пахтусову поручена опись восточнаго берега Новой Земли. Можно представить себѣ его восторгъ, его пламенное стремленіе выполнить дав-

но общающее самому себѣ и другимъ.

Путешествіе Пахтусова на Новую Землю въ 1852 и 1853 годахъ, описано уже выше; и хотя оно совершено имъ отъ частной компаніи, но за труды и успѣхи въ немъ, Пахтусовъ награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 3-й степени, и въ 1854 году, ему поручено продолженіе прежней описи уже отъ правительства. Для этого дали ему два судна: шхунеръ и карбасъ.

Въ 1855 году, Пахтусовъ благополучно прибылъ въ Архангельскъ 7-го октября, послѣ путешествія продолжавшагося $14\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. Его здоровье, разстроенное уже трудами, понесенными въ печорской, бѣломорской и повоземельской экспедиціяхъ, совершенно его оставило. Послѣ двухъ-недѣльныхъ страданій, скончался онъ 7-го ноябрю 1855 года, ровно черезъ мѣсяць по возвращеніи изъ путешествія. Въ послѣдніе дни предсмертной болѣзни Пахтусова, часто навѣщалъ его архангельскій воен-

ный губернаторъ, адмиралъ Романъ Романовичъ Галль. Такое вниманіе столь почтенной и заслуженной особы, есть лучшее доказательство уваженія, пріобрѣтеннаго Пахтусовымъ, и отеческаго попеченія достойнаго начальника о своихъ подчиненныхъ.

И такъ Петръ Козмичъ Пахтусовъ жилъ только 55 лѣтъ, а служилъ 15 лѣтъ: не много времени, но много дѣлъ! Дѣла его не громки, не видны, потому что далеки отъ насъ, но они истинно полезны жителямъ Бѣлаго моря, которые, по слѣдамъ Пахтусова, гораздо смѣлѣе прежняго пускаются для промысловъ на Новую Землю. Довольно будетъ сказать, что лѣтомъ 1851 года тамъ было только одно промышленничье судно, а въ 1855 году 118 судовъ! Вотъ гдѣ прямая польза трудовъ Пахтусова. Отъ нихъ выиграла также географія и, отчасти, нѣкоторыя естественныя науки.

Съ такими бѣдными средствами, какія имѣлъ Пахтусовъ, въ первое путешествіе на Новую Землю, едва-ли бы взял-

ся за исполненіе этого дѣла самъ Россъ, столько привыкшій къ трудамъ полярныхъ, путешествій.

Кромѣ дѣятельности и трудолюбія, какъ главныхъ отличительныхъ качествъ Пахтусова, онъ былъ рѣшительнъ, смѣлъ и иногда горячъ, но всегда соединялъ это съ благоразуміемъ. По настойчивости же и твердой рѣшимости характера, его безъ всякаго увеличенія, можно сравнить съ Кукомъ. Но кругъ дѣйствій этого мореплавателя былъ Земной Шаръ, а главная дѣятельность и извѣстность Пахтусова ограничиваются Новою Землею. Тамъ поставилъ онъ себѣ вѣчный памятникъ. Правительство не оставило заслугъ Пахтусова безъ награды: онъ менѣе восьми лѣтъ былъ въ офицерскомъ чинѣ, по семейству его назначенъ полный пенсіонъ.

Въ заключеніе скажемъ, что Пахтусовъ вообще былъ человѣкъ необыкновенной доброты и всѣми любимый; съ молода отличался веселостію и даже любезностію въ своемъ кругу, но въ по-

сѣднѣе время сдѣлался задумчивъ и сконченъ. И, что особенно странно, при его умѣ, онъ сѣбно вѣрилъ снамъ. Но кто же безъ слабостей или странностей?

Въ 1857 году Прапорщикъ Циволька отпавился вторично на Новую Землю, вмѣстѣ съ извѣстнымъ академикомъ Беромъ. Экспедиція эта была снаряжена, по представленію Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, для ботаническихъ и зоологическихъ изслѣдованій, на Новой Землѣ и въ русской Лапландіи. Циволькъ, между тѣмъ, поручено было продолжать начатое Пахтусовымъ. Они вышли изъ Архангельска 19-го іюня, а возвратились 11-го сентября.

Академикъ Беръ въ заключеніе своего донесенія Академіи Наукъ, говоритъ:

«Сравнивая совершенную нами экспедицію съ предшествовавшими, должно почесть ее вообще счастливою. Не смотря на многія препятствія, которыя, виро-

чемъ на сѣверѣ почти неизбѣжны, мы достигли главной цѣли.

«Чтобы представить себѣ опасности береговъ Новой Земли, не нужно упоминать ни о замерзаніи Голландцевъ, ни о разбитіи Вуда; достаточно рассмотреть путешествія, совершенныя прежде насъ офицерами русскаго флота на Новую Землю. До нашей экспедиціи, флотскими офицерами были предприняты на эту землю десять экспедицій (*). Изъ нихъ шесть имѣли или значительныя поврежденія въ своихъ судахъ, или потерю въ командѣ: 1.) Хотя Розмысловъ и достигъ своего намѣренія, но принужденъ былъ покинуть судно, получившее течь, и себя считалъ счастливымъ, что на об-

(*) Эти экспедиціи слѣдующія: 1.) Штурманъ порутческаго ранга Розмысловъ 1768 и 1769 годовъ. 2.) Штурманъ 9-го класса Поспѣловъ 1807 года. 3.) Лейтенантъ Лазаревъ 1819 года. 4.) Капитанъ-лейтенантъ Литке 1821, 1822, 1823, 1824 годовъ. 5.) Лейтенантъ Кротовъ 1832 года. 6.) Подпоручикъ Пахтусовъ 1832—1833 и 1834—1835 годовъ.

рагный путь былъ принять на промышленную лодку. 2.) Лазаревъ вынужденъ былъ рано воротиться, потому что вся команда получила цынготную болѣзнь. 3.) Литке, въ третьемъ путешествіи счастливо избѣгъ кораблекрушенія, но судно его потеряло значительныя поврежденія, такъ, что онъ вынужденъ былъ оставить предпринятое намѣреніе. 4.) Кротовъ погибъ совершенно безъ всякаго извѣстія. 5.) Пахтусовъ разбился при окончаніи перваго путешествія, близъ рѣки Печоры. 6.) Онъ же потерялъ во второмъ путешествіи судно во льду, и погибъ бы со всею командою, безъ помощи промышленника, случайно ему встрѣтившагося. Но изъ тѣхъ четырехъ экспедицій, въ которыхъ суда не имѣли значительнаго поврежденія, нѣкоторыя изъ нихъ такъ много встрѣчали препятствій, что могли достигнуть только частию той цѣли, для которой были посланы. Литке въ первомъ своемъ путешествіи, ежедневно, въ продолженіи четырехъ недѣль, боролся со льдомъ и

только 9-го августа увидѣлъ берегъ. Въ четвертомъ путешествіи встрѣчалъ онъ не болѣе благопріятныя обстоятельства. Только второе путешествіе его счастливѣе всѣхъ: тогда онъ обошелъ западный берегъ Новой Земли, почти во всю длину и опредѣлилъ географическое положеніе главныхъ пунктовъ. Мы, конечно, много обязаны Провидѣнію, но также благодарны познаніямъ и трудамъ морскаго офицера, посланнаго съ нами. Наша экспедиція, одиннадцатая къ Новой Землѣ, не только возвратилась съ обоими судами и съ совершенно здоровою командою, но и достигла главнѣйшей цѣли своей.

«Мы должны себя считать весьма счастливыми, что на Новой Землѣ могли остаться шесть недѣль. И погода во все это время была довольно хороша. Хотя мы въ Маточкиномъ Шарѣ не имѣли часа сряду яснаго неба, однако все таки не рѣдко имѣли весьма хорошіе дни и прекрасныя ночи. Дождь и туманъ были, по мнѣнію всѣхъ про-

мышленниковъ, рѣже обыкновеннаго; погода, которую мы имѣли въ Костинѣ Шарѣ, можно даже назвать сухою. Отъ бури, вытерпѣнной нами въ морѣ, пострадала только кухонная посуда.

«Въ безопаснѣйшей же гавани міра, въ рѣкѣ Нехватовой, провели мы настоящую арктическую бурю, чтобы чувствовать почтеніе къ сѣверу. Точно такъ же слѣди мы въ продолженіи пяти минутъ съ лодьею на мели, для того, чтобы знать, что здѣсь тоже можетъ случиться кораблекрушеніе.»

Наконецъ въ 1838 году Циволька отправился въ третью экспедицію, но онъ не кончилъ ея и умеръ на островѣ Новая Земля, 16-го марта 1839 года, отъ грудной водяной болѣзни, въ слѣдствіе всѣхъ лишеній и трудностей, имъ испытанныхъ. По смерти его, начальство надъ экспедиціей принялъ прапорщикъ Монсѣевъ, онъ благополучно вернулся въ Архангельскъ. Во время зимовки, кромѣ пра-

порщика Цивольки, умерло восемь человекъ нижнихъ чиновъ.

Августъ Карловичъ Циволька происходилъ отъ небогатыхъ родителей, проживавшихъ въ Царствѣ Польскомъ.

Будучи еще ребенкомъ, онъ, играя на рѣкѣ, поймалъ несшуюся по ней изломанную лодочку, вытащилъ ее на берегъ, и чрезъ нѣсколько дней, съ величайшею трудностію, самъ починилъ ее и спустилъ на воду, не смотря на то, что ему было только 12 лѣтъ. Пригласивъ къ себѣ двухъ товарищей, онъ вооружилъ вмѣстѣ съ ними свою лодку ботикомъ, и съ тѣхъ поръ катанье въ ней было для него почти единственныиъ удовольствіемъ. Онъ обучался въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, и родители предназначали его, вмѣстѣ съ другими дѣтьми, въ театральную варшавскую труппу; но онъ такъ пристрастился къ своей лодкѣ, такъ усердно знакомился изъ книгъ съ морскимъ дѣломъ, что рѣшительно отказался отъ назначеннаго для него поприща, и во чтобы то

ни стало хотѣль сдѣлаться морякомъ. Первая морская книга, которая попала ему въ руки, было сочиненіе Ромма. Изучая по ней теорію морскаго искусства, сколько позволяли ему начальныя знанія и свойственныя возрасту понятія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ страстнымъ увлеченіемъ читалъ описаніе морскихъ сраженій и путешествій. Такъ прошло лѣтъ пять; родители Августа Карловича, уже взрослого юпоши, уступая наконецъ глубоко укоренившейся въ немъ страсти, употребили все свои усилія, чтобы доставить сыну своему возможность усовершенствоваться основательно въ морскомъ искусствѣ и вступить въ морскую службу. Имъ удалось наконецъ опредѣлить его, имѣвшаго уже болѣе 20-ти лѣтъ отъ роду, въ первый штурманскій полуклассъ кадетомъ. Быстрыя способности и необыкновенное прилежаніе скоро обратили на него вниманіе корпуснаго начальства. Меньше чѣмъ въ полъ года, онъ усвоилъ русскій языкъ, и черезъ три года, окончивъ курсъ, выдержалъ

блистательный экзаменъ и поступилъ на дѣйствительную службу кондукторомъ, въ корпусъ штурмановъ. Совершивъ кадетомъ и кондукторомъ нѣсколько кампаній на военныхъ судахъ, онъ вполне ознакомился съ морскою службою; но ему, какъ моряку-самородку, тѣсно было обыкновенное служебное поприще, и потому онъ сталъ искать случая отправиться куда либо подальше; искалъ трудовъ и дѣятельности, которыя могли бы удовлетворить его предпримчивому характеру и разнообразно и основательно образованному уму. Случай къ этому скоро представился. Назначенный для описи береговъ Новой Земли, поручикъ корпуса штурмановъ, Пахтусовъ, искалъ себѣ помощника. Циболька, провѣдавъ объ этомъ, не медля обратился къ начальству, съ просьбою о назначеніи его на эту вакансію. Начальство, основываясь на весьма одобрительныхъ рекомендаціяхъ, охотно убавило его просьбу. Въ февраль мѣсяцъ 1854 года, онъ отправился въ Архан-

гельскъ; тамъ, получивъ подъ команду одно изъ двухъ небольшихъ судовъ, назначенныхъ въ экспедицію, всесою приступилъ къ его вооруженію. Онъ сдѣлалъ много дѣльныхъ приспособленій въ вооруженіи и въ размѣщеніи груза; особенно заботился о запасѣ провизіи и другихъ предметахъ, необходимыхъ для работъ и развлеченій команды. Знаніе дѣла, попеченіе о здоровьѣ и удобствахъ подчиненныхъ, вскорѣ доставили ему любовь и общую довѣренность. По возвращеніи съ Новой Земли, Августъ Карловичъ былъ произведенъ въ прапорщики. Но, за смертію Пахтусова, экспедиція была на время пріостановлена, и въ 1836 году Циволька находился въ экспедиціи при описи финляндскихъ шхеръ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта М. Ф. Рейнке, подъ руководствомъ котораго, онъ дѣятельно занимался астрономическими наблюденіями, съемкою и промѣромъ. Въ слѣдующемъ 1837 году, былъ назначенъ самъ начальникомъ экспеди-

ціи на Новую Землю, куда и отпра-
вился вмѣстѣ съ академикомъ Беромъ.
Въ 1858 году въ третій разъ пошелъ
къ Новой Землѣ, но уже не возвращался.

Однажды, во время зимовки, въ до-
вольно-темный вечеръ, Циволька вышелъ
изъ избы, и не успѣвъ отойти отъ нея
нѣсколько шаговъ, какъ подвергся неча-
яшному нападенію бѣлаго медвѣдя, отъ
котораго едва успѣлъ спастись. Испугъ
этотъ сильно на него подѣйствовалъ;
чрезъ нѣсколько дней, онъ почувствовалъ
лихорадку и пересталъ выходить изъ
избы для прогулокъ. Душный и сырой
воздухъ имѣли большое вліяніе на раз-
витіе его болѣзни. Онъ слегъ въ постель,
и мало по малу въ немъ оказались при-
знаки цышги, которые обратились въ
трудную водяную и были причиною его
смерти. Августъ Карловичъ Циволька,
скончался 16-го марта 1859 года; по
прочтеніи нѣкоторыхъ молитвъ, его
похоронили не далеко отъ избы, въ
сугробѣ снѣга. Весною, тѣло его было
переложено въ могилу, вырытую въ

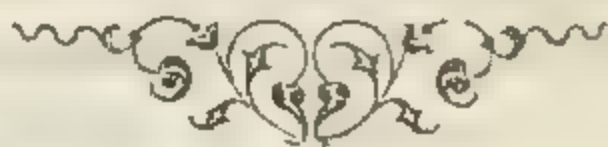
земль, и надъ нею поставленъ простой деревянный крестъ съ приличною надписью. Смерть Цивольки, глубоко поразила всю команду, и слезы искренняго сожалѣнія обильно оросили одиночную могилу любимаго ею начальника.— Миръ праху его!

Послѣдующія затѣмъ дѣйствія экспедиціи извѣстны изъ дневника прапорщика Моисѣева, принявшаго надъ нею начальство по смерти Цивольки.

Августъ Карловичъ, въ обхожденіи былъ необыкновенно простъ, со всею ласкою, добръ и снисходителенъ. Во всѣхъ трудахъ подавалъ собою примѣръ, былъ смѣлъ и рѣшителенъ; онъ обладалъ хорошею памятью, свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ; зналъ языки польскій (природный), русскій, нѣмецкій, французскій и англійскій. Много читалъ, и въ бесѣдѣ съ друзьями былъ самымъ занимательнымъ собесѣдникомъ. Разказы свои онъ любилъ украшать анекдотами съ неподдѣльнымъ юморомъ, что дѣлало ихъ въ высшей степени ин-

тересными. Характеръ его былъ вообще, оригиналенъ: смѣсь серьезнаго и важнаго, съ юморомъ и дѣтскою простотою. Не есть ли это, нѣкоторымъ образомъ, общая черта характеровъ тѣхъ людей, которые имѣютъ отъ природы способности, ставящія ихъ при случаѣ выше многихъ?

Августъ Карловичъ Циволька, отмѣжевавъ себѣ случайно отдѣльный уголокъ для самостоятельнаго дѣйствія, и не имѣя въ виду ничего болѣе важнаго, называлъ Новую Землю—*земнымъ раемъ*. Жаль что онъ такъ рано оставилъ на всегда друзей своихъ, которые и до сихъ поръ вспоминаютъ о немъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ МОРСКИХЪ СЛОВЪ.

1.) *Шнява*, старинное судно, былъ вовсе вышедшее изъ употребленія.

2.) *Фрегатъ*, трехъ мачтовое судно, имѣющее отъ 56 до 60 орудій, поставленныхъ въ два яруса или двѣ батареи, изъ которыхъ верхняя открытая, а нижняя закрыта.

3.) *Лоцботъ*, есть лоцманское судно; но лоцботъ *Битюгъ* былъ вооруженъ артиллеріею.

4.) *Эскадра*, нѣсколько судовъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ одного начальника.

5.) *Крейсерство*, плаваніе судна въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ извѣстною цѣлью.

6.) *Линейный корабль*, трехъ мачтовое судно, имѣющее отъ 74-хъ до 120-ти и болѣе орудій, и употребляемое въ сраженіяхъ флота въ линіи. Орудія на корабляхъ ставятся въ 3 или 4 яруса, верхній изъ нихъ всегда открытый; затѣмъ корабли, имѣющіе двѣ закрытыя батареи называются *двухъ-дечными*, а имѣющіе три закрытыя батареи—*трехъ-дечными*.

7.) *Парусные и гребные суда*; паруснымъ судномъ называется то, которое ходитъ подъ парусами; гребное же судно можетъ идти и подъ парусами и подъ веслами; къ первому классу принадлежатъ всѣ большія суда, ко второму малыя суда, шлюпки и проч.

8.) *Фалконетъ*, особаго рода малое артиллерійское орудіе, стоящее вмѣсто станка на желѣзномъ вертлюгѣ, употребляется на малыхъ судахъ и на шлюпкахъ.

9.) *Бушпритъ*, наклонная мачта, вы-

ставляющаяся впередъ въ носовой части судна.

10.) *Крюйтъ-камера*, мѣсто на суднѣ, гдѣ хранится порохъ.

11.) *Абордировать*, сѣсть на другое судно и, перескочивъ на него, атаковать экипажъ. При этомъ употребляютъ ручное оружіе или вступаютъ даже въ рукопашный бой.

12.) *Репетичное судно*, фрегатъ или иное судно для повторенія и передачи сигналовъ съ адмиральскаго корабля; когда суда флота идутъ одно за другимъ въ линіи баталіи, тогда репетичное судно ставится въ линіи, такъ чтобы всѣ могли его хорошо видѣть.

13.) *Каронада*, особаго рода орудіе, короче пушки.

14.) *Погонныя орудія*, пушки, находящіяся въ самой носовой части судна.

15.) *Залпъ*, выстрѣлъ изъ всѣхъ орудій на суднѣ вдругъ. Такіе залпы рѣдки, но чаще съ одной только стороны, или съ одного борта.

16.) *Бортъ*, стѣна судна.

17.) *Команда*, всѣ чины, находящіеся на суднѣ. Также экипажъ судна.

18.) *Флагъ, гюйсъ и вымпелъ*; *флагъ* подымается въ кормовой части судна; *гюйсъ*, также флагъ, но подымается на бушпритѣ (см. № 9); *вымпелъ*, весьма узкій и длинный флагъ подымается на верхней оконечности мачты.

19.) *Гемаль*, особый родъ старинныхъ судовъ — плоскодонный фрегатъ, имѣющій весла, нынѣ вышедшій совсѣмъ изъ употребленія.

20.) *Каюта*, комната для жилья на суднѣ.

21.) *Кортикъ*, родъ кинжала.

22.) *Флагъ-офицеръ*, состоитъ при начальникѣ флота какъ адъютантъ; главная его обязанность—наблюденіе за сигналами и въ передачѣ сигналами же приказаній адмирала другимъ судамъ.

23.) *Десантъ*, войска, помѣщаемые на флотъ и употребляемые для высадокъ и береговыхъ военныхъ дѣйствій.

24.) *Абордажъ*, рукопашный бой между двумя судами.—*Взять на абордажъ*, свалиться съ судномъ, абординовать его и овладѣть имъ.

25.) *Шлюпъ*, трехмачтовое судно съ закрытою батареею, имѣющее отъ 16 до 28 орудій.

26.) *Станція*, мѣсто, гдѣ военное судно или суда, имѣютъ постоянное пребываніе или плаваніе, для наблюденія за ходомъ дѣлъ, для защиты торговли и проч.

27.) *Лавировать*; когда надобно дойти до какого нибудь мѣста при противномъ вѣтрѣ, тогда судно располагаетъ паруса такъ, чтобы идти, по возможности, ближе къ линіи вѣтра. Дойдя до извѣстной точки, оно поворачиваетъ, принимая вѣтеръ съ другой стороны; такимъ образомъ продолжастъ дѣйствовать, пока не придетъ къ желаемому мѣсту. Подобнаго рода плаваніе называется *лавировкой*.

28.) *Штормовые стаксели*, малые

треугольные паруса, поднимаемые только въ штурмъ, т. е. въ самый крѣпкій вѣтеръ, на *бушпритъ* (см. № 9) и между мачтами.

29.) *Шпрингъ*, толстая веревка, привязанная однимъ концемъ къ якорному канату и взятая другимъ въ кормовой портъ, для удобнаго заворачиванія судна когда оно на якорѣ, чтобы оборотить бортъ этого судна въ желаемую сторону.

30.) *Рупоръ*, труба, которая употребляется для переговоровъ на морѣ и также для того, чтобы слышнѣе были командованія офицера.

31.) *Марсы и реи*. *Марсомъ* называется площадка находящаяся верхней оконечности нижней мачты; *рея*, есть дерево, висящее поперекъ мачты, къ которому привязывается парусъ.

32.) *Фокъ*, нижній большой парусъ передней мачты. *Гротъ*, нижній большой парусъ средней мачты.

33.) *Марсели*, есть второй рядъ па-

русовъ снизу отъ палубы. Они привязываются къ *марса-реяль* и носятъ названія по своимъ мачтамъ, а именно: средній — *гротъ-марсель*, передній — *форъ-марсель* и задній — *крюйсель*.

34.) *Брамъ-стенъга*. *Мачты* ставятся на дно судна и суть самые нижніе деревья; продолженіемъ ихъ къверху служатъ *стенъги*; выше стеновъ идущія деревья называются *брамъ-стенъгами* и наконецъ надъ ними *бомъ-брамъ-стенъги*. Выше сихъ послѣднихъ бываютъ иногда *трюмъ-стенъги*.

35.) *Брамъ-рея*, третье съ низу поперечное дерево на каждой мачтѣ, къ которому привязывается парусъ, называемый *брамсель*.

36.) *Лисель спирты*, деревья, положенныя на нижнія и вторыя съ низу реи; (см. № 31) они выдвигаются въ бокъ, и къ нимъ привѣшиваются паруса, называемые *лиселями*; эти паруса носятъ только въ попутный вѣтеръ.

37.) *Описъ*, есть дѣйствіе для опредѣле-

нія положенія береговъ и нанесенія очерка ихъ на бумагу, для составленія морскихъ картъ.

38.) *Корсаръ* или *Приватиръ*, есть судно, которое дѣйствуетъ противъ непріятеля съ разрѣшенія своего правительства; такое судно принадлежитъ обыкновенно частнымъ людямъ, называемымъ *арматорами*.

39.) *Шпиль*, стоячій воротъ, служащій для подъема якоря изъ воды.

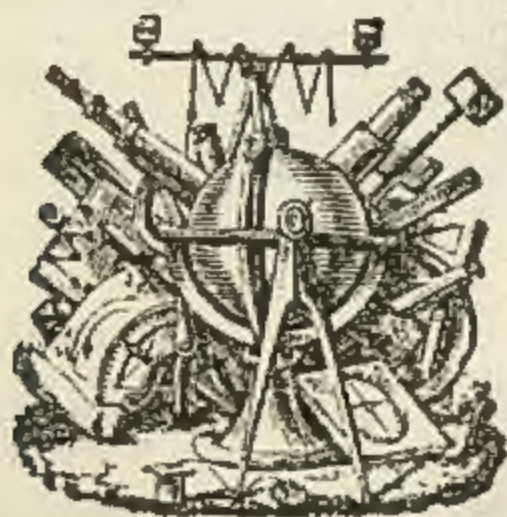
40.) *Отступныя орудія*, пушки, находящіяся въ самой кормѣ судна. Ихъ зовутъ также *ретирадными*.

41.) *Дрейфъ*. Когда судно идетъ придерживаясь близко къ вѣтру, то дѣйствіе вѣтра разлагается на двѣ силы: одна движущая судно впередъ, другая въ подвѣтренную сторону; движеніе судна, производимое послѣднею силою, называется *дрейфомъ*.

42.) *Пробоина*, дыра пробитая въ стѣнѣ судна снарядомъ; бываетъ подводная и надводная.

43.) *На вѣтрѣ.* Если стать лицомъ къ вѣтру, то всѣ предметы, которые находятся впереди, будутъ *на вѣтрѣ*; тѣ же, которые позади—*подъ вѣтромъ*.

44.) *Карбасъ*, особый родъ судовъ, употребляемыхъ въ Бѣломъ морѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Нѣсколько словъ объ основаніи русскаго Флота.	1
Бомбардирскій капитанъ Петръ.	8
Сакенъ	14
Белли	24
Невельской	39
Сухотинъ	50
Головинъ.	57
Казарскій	98
Пахтусовъ и Циволька.	112
Объясненіе морскихъ словъ.	155

